

www.dontsova.ru

Дарья Донцова

Метро АО Африки

Любительница частного сыска
Даша Васильева

Загадки года
от Дарьи
Донцовой

**НУЖНО
РАЗГАДАТЬ
САМОМУ!**

Любительница частного сыска Даша Васильева

Дарья Донцова

Метро до Африки

«ЭКСМО»

2007

Донцова Д. А.

Метро до Африки / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2007 — (Любительница частного сыска Даша Васильева)

ISBN 978-5-699-24939-8

Даша Васильева опять попала в переплет! Ее друг, полковник Дегтярев, потерял память! Целая неделя выпала из его жизни! И эта неделя оказалась полна неожиданностей – он, оказывается, занимался частным расследованием. Но что бравый милиционер делал в квартире, где, кроме него, Даша обнаружила еще и труп хозяйки, Юлии Моргаловой, он не помнит. Придется любительнице частного сыска самой браться за это дело. А, как известно, Даша из тех женщин, что «коня на скаку остановит» и «в горящую избу войдет»...

ISBN 978-5-699-24939-8

© Донцова Д. А., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	41
Глава 9	46
Глава 10	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Дарья Донцова

Метро до Африки

Глава 1

Враги приходят и уходят, а друзья остаются. Иногда можно десять лет не вспоминать про человека, но потом он вдруг тебе позвонит, и ты сразу переносишься на много лет назад, превращаясь в беззаботную девицу и начинаешь совершать глупости...

Нынешний июньский денек я решила провести в Ложкине, и на то имелись веские причины. Во-первых, сегодня пятница, следовательно, уже после трех часов дня караваны машин с дачниками потянутся по шоссе, и на дорогах возникнут километровые пробки, а во-вторых, на дворе стоит солнечная, теплая, не по-московски погожая погода, и глупо не воспользоваться улыбкой природы.

Вдыхая аромат цветущей сирени, я прошла через сад и плюхнулась на раскладушку, предусмотрительно поставленную в самом глухом уголке. Здесь меня никто не тронет, можно преспокойно читать книгу и грызть орешки кешью. Увы, я обожаю вредную еду. Говорят, что люди, которые правильно питаются и не имеют дурных привычек, живут дольше, но мне отчего-то кажется, что существование тех, кто лопает вкусное и позволяет себе некоторые излишества, например курит, неизмеримо приятнее. Впрочем, лично у меня просто не хватает силы воли отказаться от вредных привычек, скажем, завязать с курением.

Я наклонилась, чтобы вытащить из-под раскладушки пепельницу и пачку сигарет...

Если в большой семье есть только один любитель табака, его участь незавидна. Мне запрещено вносить курево в столовую, кухню, гостиную, библиотеку, баню... Легче сказать, где госпоже Васильевой позволено сидеть с сигаретой. Коротко говоря, нигде. Если я попытаюсь предаться невинной забаве в своей спальне, стоя у раскрытого окна, то непременно услышу чей-нибудь недовольный голос, доносящийся из расположенной на первом этаже гостиной:

– Откуда дымом несет? Ирка, тащи огнетушитель! Горим! Пожар!

Ну и так далее. Поэтому курить я предпочитаю в саду или в собственной машине. И вот что интересно, если Зайка или Аркадий случайно унюхают аромат табака в салоне моего – подчеркиваю, моего! – автомобиля, они мигом закатывают истерику, не забывая добавить:

– Мы желаем тебе добра, ведь даже младенец знает, что курение вызывает рак легких.

Спорить с детьми столь же бесполезно, как вычерпывать дуршлагом океан. Конечно, на язык так и просятся справедливые возражения типа: «Посмотрите вокруг, понюхайте московский воздух, этот жуткий коктейль из автомобильных выхлопов, выбросов предприятий и ядовитых испарений от строек! Неужели сигарета самый страшный зверь в такой ситуации?» Но я молчу. Мне просто не хочется раздувать скандал.

Впрочем, минуты радости бывают у всех. И вот сейчас, когда ни в доме, ни на участке никого нет – домашние разъехались по делам, а Ирка с Иваном отправились на рынок, – я со вкусом затянусь...

Не успела я чиркнуть зажигалкой, как раздался звонок телефона. Пришлось временно изменить планы и взять трубку.

– Дашка! – завизжал чей-то голос. – Клево! Это же ты?

У меня отнюдь не редкое имя. Крикните в метро: «Даша», и непременно отзовется пять-шесть женщин. Вот назови меня родители Физдипёклой, тут уж сомнений не было бы – обращаются именно ко мне, а с «Дашкой» возможны разные варианты. Поэтому я осторожно ответила:

– Васильева слушает.

Но тут же про себя усмехнулась: согласитесь, людей с такой фамилией тоже немало.

– Как официально! – еще громче заорали из трубки. – Хорошо хоть дворецкий к телефону не подошел. Слышь, у тебя есть мажордом?

– Простите, с кем я разговариваю? – спросила я.

– Не узнала? – огорчилась звонившая.

– Извините, порой меня подводит память, – почему-то начала я оправдываться. – Да и со слухом... Э... у меня не особо... То есть, конечно, я слышу, но порой...

– Вот народ! – возмутилась незнакомка. – Лучших друзей забывают! Стоит на пару дней исчезнуть, и все! Тебя беспокоит Дина.

– Кто? – Я пришла в еще большее изумление.

– Дина, – рывкнули мне в ухо.

Я легла на раскладушку. Все понятно: женщина ошиблась номером, ей нужна другая Даша Васильева. Никакой Дины я не знаю. Надо сейчас же сказать об этом даме, которая продолжает возмущаться моей плохой памятью.

– Видите ли, – завела я, стараясь сохранить дружелюбный тон, – очевидно, вы неаккуратно нажимали на кнопки, вот и...

Договорить не удалось – меня перебили:

– Умереть не встать! Склероз прогрессирует, но его еще можно остановить. Лекарства пить не пробовала? Каждый день появляются новые препараты – наука несется вперед в бешеном темпе!

– Короче, вы ошиблись номером! – теперь рывкнула я. – До свидания. Мы не знакомы.

– Ага, – не смутилась собеседница, – еще скажи, что не училась в группе сто семь и никогда не списывала задачи по логике у Петьки Распутина!

Я вздрогнула. Действительно, номер моей студенческой группы был именно сто семь, и в наше, будущих преподавателей иностранного языка и переводчиков, расписание зачем-то включили такой непонятный предмет, как логика. Я, помнится, ходила сдавать его семнадцать раз. Теоретическая часть была мною вызубрена назубок, разбудите ночью, и отчеканю нужную главу, проблемы были с решением задач. Честно говоря, они казались мне идиотскими. «Все птицы умеют летать, пингвин птица, следовательно, он легко поднимется в воздух. В чем ошибочность данного заключения?» Неужели не понятно? Пингвин ни за какие коврижки не сможет взлететь, потому что у него практически нет крыльев! Но преподаватель, услышав абсолютно верный, на мой взгляд, ответ, тут же поставил в ведомости «неуд». Приблизительно то же самое происходило при следующих попытках сдать зачет. Слава богу, Петька Распутин сжалился надо мной, и на семнадцатую пересдачу мы пошли вместе...

– Ну, просветлело в башке? – засмеялась незнакомка. – Давай начнем сначала. Я Дина Емельянова, твоя бывшая одноклассница...

– Емеля! – заорала я, вспомнив ее прозвище.

– Дотумкала наконец, – обрадовалась Динка. – Уж как я искала твой телефон! Елеле нарыла. Шифруешься почище Билла Гейтса, хотя с твоим невероятным богатством это понятно. Небось народ звонит безостановочно и бабки откусить хочет. Слышь, Дашк, у меня к тебе просьба...

Я вздохнула. Понятно, Емельяновой понадобились рубли, ей не хватает на квартиру или автомобиль. Ну с какой еще просьбой может обратиться человек, с которым последний раз я разговаривала сто лет назад? Долгие годы Дина не звонила мне, и я начисто забыла про знакомую юношеских лет. И сейчас Емеля на меня смертельно обидится, потому что услышит отказ. Дело в том, что деньги в нашей семье принадлежат Аркадию и Маше, именно такое завещание оставил барон Макмайер¹. Девочка пока не имеет права распоряжаться основной долей своего

¹ История получения наследства описана в книге Дарьи Донцовой «Крутые наследники» и «За всеми зайцами», изда-

капитала, сначала Маша должна достичь совершеннолетия, поэтому финансами единолично заправляет Кеша. Ясное дело, мы спокойно тратим средства на одежду, еду и всякие нужды, имеем кредитные карточки и не стесняемся в расходах. Но стоит мне занять: «Давай дадим N в долг денег на машину», – как Аркадий жестко отвечает: «Нет. Сейчас не прежние времена, можно взять кредит в банке. Клянчить у знакомых нет необходимости».

Если же я настаиваю, наш адвокат говорит: «Вспомни Малышкиных. Они вернули нам нехилые бабки, полученные на ремонт дачи? А Галина Андреева... Попросила пару тысяч долларов на три дня и вот уже шесть лет несет их назад. А все ты! Вынудила меня съездить в банк, и что получилось?»

Крыть мне нечем, остается только молчать.

– Надеюсь, не откажешь мне, – ныла сейчас Динка.

– Сын Дегтярева отделяет новый дом, – решительно сказала я, – все средства уходят туда, нам пришлось потуже затянуть пояса.

– Кто такой Дегтярев? – изумилась Дина. – И при чем тут его сын?

Я опять вздохнула. Ну как объяснить ситуацию Емеле? В двух словах всю свою жизнь не перескажешь.

– Непременно приходи, – продолжала Динка, – Андрюха будет ждать.

– Куда идти и зачем? – изумилась я.

Воцарилась тишина, потом подруга студенческих лет осторожно поинтересовалась:

– Я что, не сказала?

– Нет.

Из трубки послышался протяжный стон.

– Кажется, у меня крышу повело, – призналась Дина, – накануне презентации полно хлопот. Мой брат гениальный художник! Помнишь Андрея?

– Извини, я ничего не знала о твоих близких родственниках, – честно призналась я.

– Вообще-то он мне двоюродный, но мы ближе, чем двойняшки, – уточнила Дина.

– А-а-а, – протянула я, так и не вспомнив Андрея.

– Андрюха завтра представляет публике эпическое полотно «Русь Великая», – зачастила Емеля. – Очень прошу, приди на презентацию, твое имя заявлено в списке гостей, а журналисты клюют на знаменитостей.

Последняя фраза полностью прояснила дело. Москва огромна, по размеру территории она сравнима с небольшим европейским государством, но одновременно – вот парадокс! – и очень мала. Если вы возьмете подшивку глянцевого журнала за месяц и пересчитаете тех, о ком постоянно пишет пресса, то не наберете и ста человек. Борзописцы обожают сообщать подробности только о богатых и знаменитых, другие люди их не интересуют. Если у газетчиков будет выбор: поместить материал о том, как певичка N сломала один из своих дорогостоящих гелевых ногтей, или напечатать заметку о геройском поступке никому не известного фермера Петрова, который спас во время пожара сто детдомовских детей, то можно не сомневаться – выбор сделают в пользу поп-звезды. Ясное дело, испорченный коготь важнее. И потом, в конце статьи можно дать адрес салона, где звезда сделала маникюр, и получить определенную мзду за рекламу. Одним словом, если вы не медийное лицо, шансов увидеть свою фамилию на страницах изданий у вас просто нет. Поэтому большинство малоизвестных деятелей культуры устраивает презентации собственных произведений.

Думаете, тусовка созывается ради показа народу картины, скульптуры или книги? Да, такое бывает, но... обычно дело затевается для журналистов. Удачная презентация непременно включает в себя банкет: если не потратитесь на выпивку с закуской, благосклонных статей о себе вам не видать. А еще полагается раздать подарки. Так, ничего ценного. Содержимое

пакетика, который вам всучат при выходе, зависит от профессии главного действующего лица. Издательства дарят книги, художественная галерея – открытки, консервный завод – банки с зеленым горошком... Пустячок, а приятно и в хозяйстве пригодится. Однако хорошего буфета и сувениров мало, бесспорно удавшимся мероприятием делает присутствие так называемых випов, или, говоря по-русски, особо важных персон: политиков, артистов, писателей, спортсменов. Випы делятся на две категории: тусовщики, жизнь которых состоит из посещений различных мероприятий, и те, кто выходит в свет крайне редко. Появление на вашем мероприятии последних приманивает огромное количество людей с камерами и диктофонами.

Каждый день почта доставляет к нам в Ложкино ворох приглашений, но конверты отправляются нераспечатанными в мусорную корзину. Зачем мне шляться по вечеринкам? Чтобы увидеть собственное фото в журнале? Ну уж нет, на снимках чаще всего я выгляжу жутко, а возможность поесть на дармовщинку меня не прельщает. Честно говоря, я не понимаю, отчего журналисты пытаются взять у меня интервью – я не пишу романов, не снимаюсь в кино и никогда не полезу петь на сцену, потому что медведь не только наступил мне на ухо, он сел на него целиком.

– Очень прошу, – ныла Динка, – ну что тебе стоит!

– Хорошо, – неохотно пообещала я, – присылай приглашение. Если оно успеет прийти, то я приеду.

Последняя моя фраза была не чем иным, как вежливым отказом, и Динка поняла это.

– погоди минутку, – велела она.

В трубке зашуршало, зачавкало, захрустело, потом неожиданно раздался другой голос:

– Привет, Дашуль. Думаю, ты меня не узнала, поэтому представляюсь сразу – Таисия Волкова.

– Тася! – обрадовалась я. – Господи, я так рада снова тебя слышать! Как дела?

– Отлично! – воскликнула Таиска. – А твои? Кеша небось совсем большой?

– Уже почти старый, – засмеялась я. – Давно женат, двое детей...

Тася принялась ахать и расспрашивать меня. В отличие от Динки, она делала это с искренним интересом. Волкова замечательный человек, из той редкой породы людей, которые всегда кидаются на выручку, забывая о собственных проблемах. Мне она в свое время здорово помогла. Когда маленький Аркадий начал терять в весе и у него появились кашель и слабость – симптомы, свидетельствовавшие о серьезном заболевании, – я повела его в детскую поликлинику. Врач с бухты-барахты ляпнула: «У него рак легких, вот вам, мамаша, направление к онкологу».

Мало того, что горе-доктор поставила диагноз без всяких анализов, так еще и сообщила его при Аркашке. Несмотря на малый возраст, тот живо понял, что к чему, и дико перепугался.

Уж и не знаю, чем бы все завершилось, но об этом услышала Тася и начала активно действовать. Волкова нашла отличного доктора, который пришел в ужас, узнав о диагнозе, поставленном коллегой, и воскликнул:

– На онкологию это не похоже! У ребенка, вероятно, аллергия, бронхит и начинающийся гастрит. Ничего приятного в данном «букете» нет, но мы справимся.

И через пару месяцев Аркашка начал поправляться в прямом и переносном смысле слова, а я на всю жизнь сохранила благодарность Тасе.

Кстати, у нее есть еще одна замечательная черта. Она появлялась в вашей жизни словно добрая фея, взмахивала волшебной палочкой, улаживала любые проблемы и исчезала. В близкие друзья Тася не набивалась, она просто подставляла плечо в трудную минуту, и все. Я было попыталась отблагодарить ее, позвала Волкову к себе на чай, но она ответила: «Не ерунди, тебе сейчас не до гостей, лучше лечи мальчишку, а деньги, отложенные на торт, потрать ему на игрушки. Потом как-нибудь почеевничаем, жизнь длинная, еще представится случай».

Но мне так и не удалось отблагодарить Таисию. После окончания института наши пути разошлись и более никогда не пересекались.

– Дашута, очень прошу, – сказала Тася, – сделай одолжение, приди к Андрею Корундову на презентацию. Ей-богу, мне это очень надо.

– Если речь идет о тебе, – живо отозвалась я, – то без вопросов. Говори, куда и когда являться.

– Ну спасибо! – с явным облегчением воскликнула она. – Завтра, в семнадцать ноль-ноль, галерея Мусы Джанибекова. Сейчас объясню, как проехать...

Глава 2

Без пятнадцати пять я припарковала свою машину около галереи и посмотрела в зеркало, чтобы проверить, не стекла ли с ресниц тушь и не размазалась ли губная помада. Так и есть, под глазами красуются черные круги, губы бледные, зато подбородок покрыт розовыми пятнами. Ну почему у меня всегда беда с макияжем? Каким образом другие женщины ухитряются выглядеть роскошно даже в самом конце мероприятия и по какой причине я, еще до его начала, превращаюсь в чучело?

Не найдя ответа на этот вопрос, я полезла в сумку и пришла в ужас: косметичка осталась дома. Думаю, большинство женщин поймет меня. Забыть в ванной губную помаду – настоящая трагедия даже в обычный день, а уж если вам предстоит присутствовать на тусовке, то масштаб несчастья оценить невозможно.

В отчаянии я огляделась по сторонам и увидела большой торговый центр. Из врожденной пунктуальности я всегда приезжаю на мероприятия точно в указанный срок и попадаю в идиотское положение: никто, кроме госпожи Васильевой, вовремя не является, и мне приходится с дурацкой улыбкой на лице шляться по пустому залу, мешая официантам наводить последний блеск на фуршетные столы. Оказавшись несколько раз в подобной ситуации, я изменила манеру поведения. Нет, приезжаю-то я все равно заранее, но не спешу на место встречи, а тихо сижу в машине, дожидаясь, когда пройдет минут тридцать-сорок, и только потом чинно вступаю в зал. Но сегодня дурацкая привычка выручала меня – можно успеть купить косметику и привести себя в порядок.

Ярко освещенный зал с витринами, уставленными флаконами и тюбиками, был у самого входа. Я приблизилась к одной из откровенно скучающих продавщиц и спросила:

– Где можно купить губную помаду?

Девушка встрепенулась и указала на большой стенд:

– Выбирайте любую, тут вся гамма.

Приободрившись, я подошла к пластиковым ячейкам и прочитала название фирмы: «Квинк»².

Легкое сомнение царапнуло душу – я никогда не слышала этого названия.

– Простите, – снова обратилась я к консультанту, – а кто производит косметику?

– Франция! – гордо ответила девчонка. – Берите, не волнуйтесь, помада замечательного качества.

Я стала без особого энтузиазма изучать тестеры. Франция большая, и на ее территории много фабрик, производящих замечательные духи и прочую парфюмерию с косметикой. Я знаю все великие французские брэнды, но вот «Квинк»... Ей-богу, ничего не слышала о такой фирме, хотя частенько бываю в Париже. Впрочем, есть в стране трех мушкетеров секреты, известные лишь своим. В глубине одной из узких улочек старого Парижа спрятана лаборатория «Оржев». Ее продукцию вы не найдете в универсамах, потому что она поставляется только в клиники или продается врачам-косметологам. Скромные баночки, бутылочки и ампулы стоят очень дорого, но зато вы платите за содержимое, а не за хрустальный флакон, куда налит обычный лосьон. Коренные француженки редко пользуются раскрученными марками. Обитая в столице моды, они не хотят переплачивать за упаковку и за рекламные кампании, поэтому приобретают продукцию лабораторий, которые делают свое дело без особой шумихи. Основной потребитель средств, представленных, так сказать, в глянце, – подростки и наивные иностранки, искренне полагающие, что лучше раскрученных имен ничего нет.

– «Квинк» просто не раскручен, – словно подслушав мои мысли, заявила продавщица.

² Название выдумано автором, любое совпадение случайно.

Но я продолжала колебаться. Лицо-то у меня одно, второго, если я его испорчу, не дадут...

– Суперская косметика, – соблазняла меня девушка.

Я глянула на бейджик продавщицы и спросила:

– Скажите, Алёна, «Квинк» давно на российском рынке?

– Они только начали осваивать Россию, но вообще-то фирма уже отметила сорокалетие.

Хотите почитать буклет?

– Спасибо, не надо. Дайте вон ту помаду, розовую, – решила я и, получив тюбик, аккуратно намазала губы.

Следует признать, помада легла ровно и ничем противным не пахла.

– Крем прибыл? – завопил с порога женский голос.

Я отвела взгляд от зеркала и увидела тетку, более всего напоминающую мешок с арбузами. Растрепанная голова лежала прямо на квадратных плечах. Никаких плавных изгибов у дамы не имелось – сразу же от белого лакового пояса начиналась попа, при взгляде на которую тут же становилось понятно, отчего врачи называют данное место «таз». У вошедшей был именно он – здоровенный, круглый аксессуар для замачивания белья.

– Здравсти, Татьяна Сергеевна, – расцвела Алена. Очевидно, дама была тут постоянной выгодной клиенткой.

– Давай без церемоний, – отмахнулась посетительница. – Где чудо-крем?

– Вот, – Алена выставила на прилавок две ярко-розовые банки.

– Так мало? – возмутилась дама.

– Есть еще.

– Сколько?

– Ну... ящик... В нем, наверное, упаковок двадцать.

– Неси все! – приказала тетка.

Алена шмыгнула в подсобное помещение, я, заинтригованная происходящим, не утерпела и обратилась к вошедшей:

– Простите, а чем так замечателен этот крем?

Татьяна Сергеевна всплеснула руками.

– Вы не слышали?

– Нет.

– О нем все журналы писали!

– Увы, я не читаю глянец, – призналась я. – Не потому, что презираю его, просто времени нет.

– А зря! – покачала головой женщина. – Ладно, так и быть, расскажу. Фирма «Квинк» придумала восхитительную новинку... Что у нас, женщин, самое большое? Я имею в виду, в организме?

– Душа, наверное, – предположила я. – Или ум, хотя мужчины считают иначе.

Дамочка с жалостью посмотрела на меня.

– Вот уж ум нам совсем ни к чему. Замуж выходить надо, а не диссертации писать. Самое большое у нас, у баб, задница. Слишком жирная!

– Это у кого как, – хихикнула я. – Лично мне приходится покупать джинсы в детском отделе.

Татьяна Сергеевна склонила голову и уставилась на меня.

– Верно, выглядите вы недокормышем, некрасиво. Слава богу, у меня есть попа, и я ею довольна. Дженифер Лопес отдыхает! Я могу гордиться своей задницей, но вот грудь... Увы, всего лишь второй размер.

– Другим и первого не досталось, – протянула я, мельком посмотрев на себя в зеркало.

– Некрасивый бюст мешает удачному замужеству, – вздохнула собеседница. – Я столько попыток делала, и все мимо! Понимаете?

Я кивнула. Большинство женщин по непонятной для меня причине спешат надеть на шею ярмо брака. Лично я многократно бегала в загс, но потом поняла, что лучше одиночества ничего нет. А вот Татьяна, видимо, принадлежит к другой категории.

– Если нарастить сверху, – бойко вещала она, – тут же женихи набегут.

Может, оно и так, с сомнением прокомментировала я мысленно, но армия потенциальных супругов с той же скоростью унесется прочь, если поймет, что к шикарной груди ничего, кроме шикарной же попы, не прилагается.

– Вставлять силикон мне страшно, – поежилась невеста-соискательница, – говорят, импланты взрываются в самолетах. Спасибо фирме «Квинк»! Вот оно, спасение, – крем «попа-грудь».

– Простите? – не поняла я.

– «Попа-грудь», – повторила Татьяна. – Мажешь им, так сказать, булки вниз, и жир из них перетекает в верхний этаж. Задница худеет, бюст полнеет. Сказка!

– Что-то мне не верится в это, – пробормотала я. – Как же крем действует?

– Очень просто! – оживилась собеседница. – Накладываешь крем на сиденье и ждешь эффекта.

– Жировой запас поползет вверх?

– Да.

– Надо будет стоять вниз головой? – растерялась я.

– Зачем? – напряглась Татьяна.

– Но по закону всемирного тяготения любое тело стремится вниз, – сказала я, – жир не исключение, вверх он только при помощи насоса может подняться. Хотя я не особо разбираюсь в физике. В химии, кстати, тоже.

– Ничего качать не надо, – пояснила запыхавшаяся Алена, втаскивая в зал ящик, – все очень просто. Крем разогревает целлюлит, а тот, спасаясь от жары, бежит в грудь.

– Не уверена, что целлюлитный бюст – это красиво, – промямлила я.

– Грудь будет выглядеть шикарно, – заверила Татьяна.

– Все равно не понимаю, каким образом часть филея может переместиться к шее, – уперлась я.

Продавщица и покупательница переглянулись.

– Ну просто поползет, – не очень убедительным тоном сказала Алена, – медленно, но верно.

– А если он в районе талии оседет? – поежилась я. – Представляете катастрофу? Снизу ушло, до верха не добрело, а посередине образовался «бублик». Начнется жуткая проблема с одеждой.

Татьяна фыркнула и отвернулась.

– Ну не знаю... – протянула Алена. – Может, конечно, всякое случиться, только на этот крем очередь стоит. Будете брать?

Я не успела ей ответить, потому что в сумочке зазвонил мобильный.

– Послушай, – зачастила Зайка, – мы с Тёмой стоим у плитки, скажи, какую брать: зеленую или синюю?

– Куда вы ее класть собираетесь? – разумно поинтересовалась я.

– Без разницы! – отбрила Ольга. – Назови цвет.

– Послушай, но это же глупо, – попыталась я сопротивляться. – Вдруг Тёме не понравится мой выбор? Думаю, решение должен принимать хозяин. Кто, в конце концов, будет любоваться на кафель?

– С чего ты взяла, что речь идет о покрытии для стен, – изумилась Зайка. – Мы пытаемся выбрать электроплиту.

– Ты же сказала «плитку»...

– Ну! А как ее надо было назвать?

– Плита, – ответила я.

– Еще скажи очаг или кострище! – обозлилась Ольга. – Тёма хочет двухконфорочную, а это натуральная плитка.

Я вздохнула. Ну какого черта взялась спорить с Зайкой?

– Теперь технику делают разноцветной, – тараторила Ольга, – вот мы и мучаемся. Красный очень агрессивный, так?

– Да, – покорно ответила я.

– Оранжевый цвет тупой!

– Да.

– Белый слишком традиционный.

– Да, – тупо твердила я.

– Черный мрачный.

– Да.

– Розовый идиотский.

– Да.

– И что остается?

– Да, – привычно заявила я, – да, да, да...

– Что «да»? – разъярилась Зайка. – Какие цвета я не назвала?

– Ну... синий и зеленый, – опомнилась я.

– Так какую плитку брать? – недовольно произнесла Ольга. – Сама я не хочу ему советовать.

– Почему? – осторожно осведомилась я.

– Не желаю, чтобы следующие десять лет Тёма попрекал меня неправильно выбранным колером, – заявила Ольга. – Придется тебе брать ответственность на себя.

– С какой стати? – возмутилась я.

– Дегтярев на совещании, Кеша в суде, Машка в клинике, Оксана на операции. Осталась только ты, вот и решай.

Представляете, в каком положении я оказалась? Теперь, если что, в течение десяти лет Тёма будет попрекать меня «неправильно выбранным колером». Надо срочно что-то предпринять!

– К сожалению, я сейчас занята, – завела я, – нахожусь в... э... э...

Фантазия иссякла. Увы, я не работаю и не могу, как все, соврать, что сижу на совещании.

– Интересное дело! – возмутилась Зайка.

И тут продавщица Алена заорала так, словно потолок торгового центра обрушился на ее голову:

– Так вы берете бюстопопный крем? Осталось всего две банки.

Я прикрыла ладонью трубку и прошипела:

– Тише, не вопите.

Но поздно! Чуткие уши Зайки уже слышали вопль Алены.

– Так ты в магазине! – пришла в негодование Ольга. – В косметике! Неужели не стыдно? Мы мучаемся на стройрынке, прыгаем возле плитки, а ты нам даже помочь не хочешь! Отложи сейчас же румяна и подумай о серьезной проблеме: синяя или зеленая?

– Я даже смотреть на румяна не собиралась! Мне предлагают купить некий крем, но, похоже, тут очередной обман. Представляешь, производители обещают, что при регулярном

его использовании жировой запас нижнего этажа переползет вверх и превратит нулевой размер бюста в пятый, – опрометчиво разоткровенничалась я.

В трубке повисла тишина, потом Зайка взвизгнула:

– А если поподробнее?

Страшно довольная тем, что она забыла о плите, я начала рассказывать про косметическое средство.

– Бери сколько дадут, – занервничала Зайка. – Похоже, это замечательная вещь.

– Покупаете? – вновь заголосила Алена.

– Да, да, – закивала я, – возьму. Несите.

– Ты в джинсах? – неожиданно спросила Зайка.

– Нет, в платье.

– В каком? – Ольга проявила странное любопытство.

– В красном, его Кеша из Парижа привез, – не почуяв подвоха, сообщила я.

– Тёма, Дашута велит брать красную, – незамедлительно отреагировала Зайка. – Она только что сказала: красную и никакую другую.

У меня отвисла челюсть.

– С вас три тысячи рублей, – сообщила Алена.

– Так дорого?

– Из попы в грудь задешево не добраться, – отрезала продавщица. – Средство молекулярное, значит, стоит того. Вы только подумайте, что силикон вставлять намного дороже, и вам сразу станет легче! Впрочем, я настаивать не буду. Уже говорила – у нас на этот крем очередь стоит, вы мне просто понравились, потому я и предложила.

Я молча достала из кошелька кредитку, очень хорошо понимая, что стала жертвой надувательства. Но явиться домой без чудо-средства нельзя, Заюшка тогда попросту загрызет меня – Ольга верит рекламе...

В зал, где брат Дины презентовал свою картину «Русь Великая», я вошла через час после назначенного времени и сразу угодила в лапы людей с диктофонами.

– Газета «Желтуха», – кинулась ко мне женщина лет сорока, держа наперевес фотоаппарат. – Вы же Дарья Васильева, так? Почему вы пришли на презентацию?

– Посмотреть на эпическое полотно господина Корундова, – смиренно ответила я. – Зачем же еще?

Но корреспондентке, похоже, не нужны были ответы, ей хотелось задать вопросы, что она и сделала.

– Вы без сопровождающего? Плохие отношения в семье? Сколько стоит ваша сумка? Назовите марку автомобиля, на котором прибыли. Правда ли, что у вас дома живут верблюд и пони? Кто за ними ухаживает? Какое количество денег вы еженедельно тратите на брильянты? Вас с Корундовым связывают интимные отношения?

– Нет, – быстро сказала я, съезжившись под лавиной вопросов, – я даже не знакома с Андреем.

– Врете! – радостно отметила журналистка. – Если не водите дружбу, то откуда знаете имя художника?

– Я никогда не пила чая вместе с Пушкиным, но знаю, что он – Александр Сергеевич, – огрызнулась я.

– Ага, ага, – закивала тетка. – Так у вас был роман с Корундовым?

Я прищурилась.

– После моей свадьбы с Пушкиным! Я изменяла поэту с художником!

– Прикольно, – кивнула баба с фотоаппаратом и, пару раз помигав вспышкой, исчезла.

Я стала продираться сквозь довольно густую толпу к стене, на которой висела картина – виновница торжества.

Глава 3

Увы, я плохо знаю живопись и не принадлежу к тем, кто понимает современное искусство. Не так давно я с лучшей подругой Оксаной отправилась на выставку молодых гениев, и мы ушли оттуда в глубоком шоке. Посередине зала, около массивной собачьей будки, раскрашенной в желто-черной гамме, сидел на привязи абсолютно голый мужчина в наморднике. Дядька выглядел мерзко, до Аполлона ему – как мне до Майи Плисецкой. Я тогда подумала: уж если решился предстать перед людьми обнаженным, то хоть вывел бы прыщи на спине и подкачал пресс. Но человек-собака явно не собирался работать над своим телом, очевидно, сам себе он казался неотразимым. Иногда «экспонат» начинал материться, и тогда собравшаяся у будки толпа фраков хлопала в ладоши. Да, забыла сказать: экспозиция называлась «Закат цивилизации». Кроме шедевра в виде мужика с конурой, сильное впечатление на меня произвела гора смятых пакетов из-под сока, вина, молока и прочих жидких продуктов. Из кучи мусора торчала табличка «У мамы день рождения». Оставалось лишь пожалеть несчастную женщину, которая выпила столько разнообразной жидкости. Интересно, она дожила до утра или скончалась от отравления в токсикологическом отделении больницы вечером после банкета?

Прогнав это воспоминание, я протолкалась к картине и обомлела. Холст, размером примерно три метра в длину и два в высоту, выглядел очень мрачно. В центре композиции красовалась фигура крестьянина в грязном рубище – он лежал на спине, подняв вверх ноги, обутые в лапти, а руками прижимал к груди большой батон белого хлеба. Слева высилась здоровенная лошадь, на которой восседал воин, явно представитель татаро-монгольских захватчиков, справа с копьём в руке стоял рыцарь в железных доспехах, около его ног сидела маленькая девочка с куклой, за ее спиной виднелся стол, заставленный едой – в плошках зеленели яблоки, краснели помидоры, синели баклажаны...

Несколько минут я пребывала в ступоре, потом в голову полезли вполне уместные вопросы. Отчего татаро-монгольский захватчик одет в шелковые, расшитые бисером шаровары и почему он обут в домашние туфли с загнутыми вверх носами? Да и у воина не конь, а кобыла (никаких признаков мужского пола у животного нет). Теперь обратимся к крестьянину. Где он раздобыл длинный французский багет? Очень сомневаюсь, что во времена лаптей караван выглядели подобным образом. Ладно, не буду придираюсь к хлебу, но вот новая несуразица: откуда появились помидоры с баклажанами? Когда Чингисхан пытался подмять под себя Русь, о диковинных овощах никто среди русичей и не слышал! И с какого боку тут средневековый рыцарь? Каким образом он оказался в Москве? Откуда я узнала, что действие происходит на месте теперешней столицы России? Ну это просто: в правом верхнем углу картины изображена Красная площадь с Мавзолеем, возведенным в тридцатых годах прошлого века (похоже, крестьянин валяется как раз там, где сейчас стоит ГУМ). И уж совсем неясно, отчего сей компот называется «Русь Великая». К этническим россиянам на нем относится лишь селянин с багетом, да и тот не в самом выигрышном положении. Вот дай художник полотну имя «Русь вороватая», хоть часть вопросов отпала бы (по крайней мере, в отношении батона). Где его раздобыл пращур фермера? Да спер со стола у барина, причем, похоже, парижанина, родившегося в конце двадцатого века...

– Замечательно, да? – зазвенел чей-то голос сбоку. – Великая картина!

– Вы абсолютно правы, – согласилась я (в конце концов, если вы приняли приглашение и явились на презентацию, то не следует ругать того, кто затеял фуршет, вас звали не для справедливой оценки творения, а для похвал).

– Хоть он и мой брат, – продолжал тот же голосок, – но я не постесняюсь признать: Андрей гений!

Я обернулась и увидела невысокую полную женщину в излишне обтягивающем ее телеса ярко-голубом платье в мелкий розовый цветочек. Незнакомка явно хотела выглядеть девочкой, поэтому и выбрала трогательный наряд – весь в оборочках, воланчиках и фестончиках. Одевание было милым, его портила лишь владелица. Даме надо потерять килограммов пятнадцать либо прикрыть жирные складки, нависавшие над коленями.

– Тебе нравится? – фамильярно спросила она меня.

– Оригинальное произведение, – кивнула я.

– Андрей работал над ним со студенческих лет, – вздохнула «девочка». – Вчера позвонил мне и заплакал: «Милая, что же делать? Великий труд завершен, жизнь потеряла смысл!» У брата сейчас тяжелый период.

– Я всегда считала, что, закончив картину, живописец испытывает положительные эмоции, – покачала я головой, сообразив наконец, что разговариваю с Диной.

– Это ремесленник, а не настоящий художник! – возмутилась та. – Вот он счастлив – предвкушает гонорар и потирает липкие ручонки. А подлинный творец вроде Андрюши полон печали, ведь он как бы отпускает от себя свое дитя. Тяжелый, мучительный процесс... Ты когда-нибудь жила с гением?

– Слава богу, нет! – вырвалось у меня.

– Надо немедленно познакомить тебя с Андрюшей, – возбудилась Дина, – стой тут, не двигайся.

Не успела я возразить, как собеседница ринулась в толпу. Чья-то рука опустилась на мое плечо, я вздрогнула, обернулась и увидела Таисию Волкову, слегка пополневшую, но вполне узнаваемую.

– Спасибо, что пришла, – заулыбалась бывшая однокурсница. – Андрюше надо помочь, он яркий талант, а, как известно, в нашем мире способна пробиться только бездарность. Не откажи в любезности, скажи пару слов для программы «Искусство», вон там камера стоит.

– Можно через десять минут? – спросила я.

На лицо Волковой набежала легкая тень.

– Хочешь сначала закусить? Давай поступим так: я наберу тебе полную тарелку всего самого вкусного, а ты уж сделай милость, подойди к телевизионщикам. А то они уже собрались уезжать.

– Пару минут назад ко мне обратилась Дина, – объяснила я, – очень смешная, в детском платьице... Она побежала за братом. Мне велела стоять на месте, вот я и маячу тут. Боюсь, неудобно получится – приведут художника для знакомства, а я ушла!

– Ох уж эта Динка... – покачала головой Тася. – Не беспокойся, она Андрюшу не сможет притащить, Корундов сейчас с Селезневым разговаривает, тот хочет выставить его полотно. Андрюша святой человек, никаких бытовых претензий. Есть обед? Замечательно, он слопает любое блюдо. Нету еды? Прекрасно, выпьет кефира, или чая, или даже, в конце концов, водой из-под крана обойдется. Всегда приветливый, веселый, воспитанный, интеллигентный, начитанный. Он свою бывшую жену буквально боготворил, ни разу с ней не поспорил, а та ему скандалы закатывала. Андрюша молчал-молчал, но затем даже у него терпелка лопнула – собрал шмотки (все в одну крохотную сумку уместились!) и съехал на дачу. Живет теперь в курятнике, без воды, отопления и канализации. Летом хорошо – лес, цветы, птички, а зимой жутко и холодно. Динка ему, конечно, помогает. Вот взялась презентацию устроить, Корундов же абсолютно беспомощен. Давай поторопимся, а то камера уедет...

Словно загипнотизированный коброй кролик, я покорно двинулась туда, куда меня тащила Тася, и сказала в объектив все приличествующие случаю слова. Когда теледеятели утащили аппаратуру, я спросила у Волковой:

– Теперь все?

– Огромное спасибо, – кивнула Тася. – А вот и Андрюша...

Через зал, смущенно улыбаясь, шел милый человек с растрепанными светло-русыми волосами.

– Здравствуйте, – приятным баритоном сказал он, подходя вплотную, – рад встрече.

– Вот и здорово! – обрадовалась невесть откуда появившаяся Динка. – Сейчас оттянемся, закусим... Дашута, водочки?

Меня передернуло от перспективы пить теплый алкоголь в жару.

– Нет, – быстро отреагировала я.

– Тогда коньячку, – наседала Динка. – Я отличный напиток купила. Недорогой, но замечательный.

Я подавила вздох. Не хотелось разочаровывать Дину, но мне-то хорошо известно, что качество спиртного напрямую зависит от его цены. Настоящий коньяк дешевым не бывает!

Перед моим носом появился пластиковый стаканчик, наполненный темно-коричневой жидкостью.

– Держи, – напирала Дина. – А вот и тарталетка с салатом на закуску.

Теперь понимаете, отчего я ненавижу тусовки? Мало того, что вас насильно пытаются напоить отвратительным спиртным, так еще заставляют слопать нечто, утопленное в майонезе.

– Спасибо, но я за рулем, – попыталась я решительно отбиться от Емельяновой.

– Граммулька не помешает, – не дрогнула Дина, – от чайной ложки тебя не развезет.

– Запах останется, – сопротивлялась я.

– Лучше возьмите стаканчик, – шепнул кто-то мне в самое ухо, – иначе она не отстанет.

Жуткая прилипала!

Не зная, кто является добрым советчиком, я послушно протянула руку.

– Пей до дна... – затынула Динка.

Пришлось поднести стаканчик ко рту и глотнуть пойло, которое походило на благородный коньяк, как наш мопс Хучик на горного козла.

– А теперь тарталеточку – ам! – надела Динка. – Ну, открывай ротик!

От тарталетки нестерпимо несло самым любимым соусом россиян, который я просто не переношу. Ну скажите на милость, зачем заливать салат майонезом? Исчезает оригинальный вкус продуктов. Если тебе так нравится «Провансаль», то купи его себе и съешь с восторгом. При чем здесь ветчина, яйца, картошка и прочие ингредиенты?

– Давай, давай... – торопила меня Динка. – Нельзя ходить голодной.

Тарелочка с тарталеткой очутилась у моего носа.

– Ой, на улице, кажется, гроза началась! – воскликнул все тот же незнакомый голос, ранее посоветовавший мне взять емкость с бурдой.

Почти все присутствующие повернули головы к большому окну, но Динка не собиралась бросать свою жертву.

– Дашута, жри тарталетку! – приказала она. – Я считаю, что человек должен регулярно подкрепляться. Или ты из тех дур, что сидят на диете? Постоянно считаешь калории и боишься даже посмотреть на хороший кусок хлеба с маслом? Если так, ты довела себя до крайней точки, похожа на скелетину. Страдаешь булимией? Анорексией?

Ошеломленная яростным напором Динки, я помотала головой.

– Нет, просто не хочу есть.

– Так не бывает, – авторитетно заявила бывшая подруга, – человек всегда способен сожрать вкусенькое.

Я окинула взглядом фигуру Динки, состоящую из сплошных валиков жира, и еле удержалась от комментариев.

– Ну... за маму! – зудела Емельянова. – Впрочем, может, тебе, девушке богатой, эта пища кажется слишком простецкой? Или считаешь, что мы выставили тут тухлую дрянь, а? Презираешь нас, живущих от аванса до получки?

В голосе Дины зазвучали истеричные нотки. Присутствующие в зале люди, в том числе один фотокорреспондент, с неподдельным интересом посмотрели в нашу сторону.

– Полагаешь, что я сэкономила на фуршете? – перешла на визг Дина. – Андрюша дал мне деньги, а я дерьма накупила, потому что хотела новые туфли приобрести? Намечаешь на мою вороватость?

И как поступить в данном случае? Швырнуть картонную тарелку со злосчастной тарталеткой на пол и уйти с гордо поднятой головой? Но мне совсем не хотелось затевать скандал, а он неминуемо возник бы – Дина буквально закусил удила. Но почему остальные участники малоприятной сцены усиленно делают вид, что ничего не замечают? Тася и Андрей как ни в чем не бывало беседуют о правильном освещении картины, а около них, постоянно кивая, стоит незнакомая брюнетка. Похоже, это она дала мне совет не перечить Дине.

– Ешь! – топнула ногой Емельянова. – Хватит выеживаться!

Брюнетка исподлобья глянула на меня, потом, пользуясь тем, что истеричка стоит к ней спиной, быстро повертела пальцем у виска. Я взяла тарталетку и запихнула ее в рот. Все понятно – бывшая однокурсница не совсем нормальна, можно было и самой разобраться в ситуации. Разве адекватный человек устроит бучу из-за отказа пробовать угощение?

Жирный майонез растекся по языку, потом проявился вкус холодной картошки, крутого яйца и чего-то очень противного, давно мною не пробованного. Я на секунду замерла, попыталась не жуя проглотить тарталетку и в то же мгновение сообразила: салат сделан из печени трески, а у меня на нее аллергия. Не успела я осознать размеры бедствия, как в носу засвербило, в горле будто кошки зацарапали острыми когтями, к глазам подкатили слезы.

Забыв о приличиях, я оттолкнула Дину, которая с нескрываемой радостью протягивала мне вторую тарталетку, и кинулась к выходу. Где здесь туалет?

Выплюнув непроглоченное угощение, я принялась тщательно полоскать рот, начисто забыв о макияже. Печень трески для меня – страшная вещь. О своей аллергии я узнала в раннем детстве, когда оказалась на дне рождения у одноклассницы Виты Березиной. Моя бабушка не любила консервы и никогда их не употребляла для готовки, а мама Виты соорудила самый обычный салат: печень трески, яйца, картошка, лук. Мне, семилетней, никогда не пробовавшей ничего подобного, он показался невероятно вкусным, я съела почти всю плошку и... очутилась в реанимации детской больницы...

– Как вы? Ничего? – тихо спросил кто-то.

Я подняла голову, увидела в зеркале отражение брюнетки и ответила:

– Успела добежать. Понимаете, мой организм не воспринимает печень трески.

Незнакомка кивнула.

– Неприятно. Дину когда-нибудь пристрелят. Ужасный характер! Авторитарна до абсурда, все должно быть так, как она хочет. Если человек начинает оказывать ей сопротивление, она устраивает скандал. Бедный Андрюша! Говорят, он мечтал избавиться от своей напористой женушки и сумел развестись, но Дина-то его не бросила, постоянно находится рядом и доканывает несчастного. У нее это называется: «заботиться о самом близком и родном человеке». Все удивляются, как Корундов терпит Емельянову. Кстати, простите, я забыла представиться: Инна. Вот, держите визитку.

– Очень приятно, – пробормотала я и стала рыться в сумке в поисках своей карточки, – рада знакомству.

Право, смешно соблюдать светские церемонии в одном шаге от унитаза, но, если тебе протягивают бумажку с телефоном, элементарная вежливость требует сделать ответный жест.

– Хотите, сбегаю в аптеку и принесу вам лекарство? – заботливо предложила Инна.

– Спасибо, в этом нет необходимости.

– Мне не трудно.

– Не стоит, я в порядке.

– Вы очень побледнели.

– Это от злости.

Инна засмеялась.

– Честно говоря, я удивлена вашим терпением. Обычно люди, к которым Динка пристаёт подобным образом, не выдерживают и посылают Емельянову куда подальше. Знаете, с каким количеством народа она испортила отношения? Из хороших подруг только Тася осталась, но та святая, и...

Договорить Инна не успела – из моей сумочки понесся звон мобильного. Я взяла аппарат, а собеседница, продемонстрировав хорошее воспитание, тут же вышла из туалета.

Глава 4

– Ты где? – спросил Дегтярев.

– На выставке, – обтекаемо ответила я. – А что?

Полковник кашлянул.

– Ничего. Скажи, какой сегодня день недели?

– Суббота, – изумилась я. – Забыл?

– Ну... в общем... да, – признался приятель, – жарко очень.

– Душно, – согласилась я.

– Голова болит. Кружится, – неожиданно пожаловался Александр Михайлович. – И подташнивает.

– У тебя поднялось давление! Немедленно иди в медпункт, пусть врач даст таблетку.

– Я не на работе.

– Тогда загляни в аптеку и купи, что тебе было прописано, – велела я. – Только не забудь: дозировка пять миллиграммов, и съесть надо полтаблетки.

– Ноги дрожат, – протянул приятель, – в глазах двоится.

Я прислонилась спиной к рукомойнику. Главное сейчас – не показать полковнику своего волнения. Наш бравый боец с преступностью крайне внушаем, и он панически боится врачей. Вероятно, у Дегтярева гипертонический криз, но, если я выскажу свое предположение вслух, он перепугается, и ему станет еще хуже.

– Ерунда, – стараясь казаться беспечной, завела я, – погода меняется, у меня тоже голова раскалывается, скорей всего, идет более жуткая жара или холод наступает. Кстати, ты где?

– Дома, – протянул Дегтярев.

– Замечательно! – обрадовалась я. – Возьми в аптечке лекарства и на диван. Я звякну Оксане, она придет...

– Я не в Ложкине, – промямлил полковник.

– А где? – изумилась я. – Какое еще место ты называешь домом?

– В смысле, я не дома, а в доме, – начал путано объяснять полковник. – В чужой квартире. Очень прошу, приезжай, мне нужна твоя помощь!

Вот тут я перепугалась до паники. Обычно Александр Михайлович отстраняется от моей заботы и страшно злится, когда я пытаюсь облегчить ему жизнь. Если уж он обратился ко мне с подобной просьбой, дело совсем плохо.

– Милый, ты где? – заорала я.

Вместо того чтобы, как обычно, недовольно вздохнуть и заявить: «Прекрати кричать, слушай внимательно», Александр Михайлович тоном потерявшегося детсадовца ответил:

– Не знаю.

– Это как? – растерялась я и похолодела от ужаса.

Все, допрыгался, заработал инсульт! Сколько раз я твердила полковнику: прекрати есть свинину, холодец и сыр камамбер, сядь на диету, сбрось лишние килограммы, займись бегом... И вот результат беспечного отношения к собственному организму!

– Я в квартире, – простонал полковник.

– Чьей?

– Понятия не имею.

– Говори адрес.

– Он мне неизвестен.

– Тебя заперли?

– Нет!

– Тогда спустись вниз и посмотри на угол здания, авось найдешь табличку.

- Не могу.
- Почему?
- Голова кружится, на бок падаю.
- Хорошо, я сейчас приеду. Только не выключай мобильный, понял?
- Да. Ты же мне поможешь? – по-детски протянул Дегтярев.
- Непременно, – трясаясь от волнения, заверила я. – Там есть диван или кровать?
- Я вроде сижу на кухне, – промямлил полковник.
- Отлично. Старайся поменьше шевелиться и ни в коем случае не отсоединяй сотовый

от сети. Повтори, как понял...

– Я сейчас затаюсь и не трону телефон. Только поспеши, – послушно отозвался Александр Михайлович и отсоединился.

От покорности полковника у меня началась нервная икота. Трясущимися пальцами я набрала номер телефона. Только бы Артур сидел на месте!

- Пищиков, – бойко отозвались из трубки.
- Артурчик, это Васильева. Ты где?
- Хороший вопрос, – засмеялся журналист. – Тебе правду сказать или соврать?

Неожиданно цепкая рука, сжимавшая сердце, разжалась. Отчего-то Артур всегда действует на меня успокаивающе. Мы познакомились с ним несколько лет назад, я уже рассказывала об этой истории и сейчас повторяться не хочу. Начав отношения врагами, мы постепенно превратились в близких друзей. Пищиков успешно делает карьеру, сейчас он работает в газете «Жизнь» и имеет связи в самых разных областях. Если звякнуть Артурчику и попросить: «Найди мне личный мобильный номер английской королевы», – Пищиков не станет орать: «С ума сошла!» Он лишь уточнит: «Тебе очень надо?» Получив ответ «да», Артур мигом примется за дело. Заветные цифры будут у меня к вечеру, в крайнем случае – к следующему утру.

Артур ради друга пройдет сквозь стены, прогрызет гранитную плиту, пророем носом тоннель под океаном. Смущает ли меня тот факт, что Пищиков служит в газете «Жизнь» и частенько пишет об известных людях, которые, напившись в казино, пляшут голыми на столе? Нет, нисколько. Потому что Артур никогда не врет. Кстати, за отказ напечатать неподтвержденные сведения его с треском выгнали из «Желтухи». Иногда на Пищикова наезжают обиженные знаменитости, пару раз его грозились убить, но Артурчик спокойно отвечает: «Ты плясал голый на столе? Вот я так и написал. Не хочешь таких статей? Не пляши голый, съезди в детдом, подари сиротам пару телевизоров. Я об этом сообщу с радостью. Мне только дай повод сказать о человеке хорошее, непременно его использую».

Вот такой он человек и журналист, Артур Пищиков. И сейчас единственная моя надежда была на него.

- Можешь определить адрес по работающей мобиле? – спросила я.
- С полпинка, – зевнул Артур. – Опять встала на тропу сыска? Бежишь гончей собакой? А что скажет полковник?
- Артурчик, сделай одолжение.
- Вечно я из-за доброго сердца страдаю и ничего за это не имею... – пожаловался в пространство Пищиков. – Ладно, давай номер, включаю компьютер.

Я живо продиктовала цифры.

- Отчего он мне кажется знакомым... – удивился Артур под мерное попискивание.
- Маловероятно, ты с моей приятельницей не встречался, – лихо соврала я.
- Угу... – пробормотал Пищиков, – эге... ага... И как люди раньше работали? Ни компа, ни сотовых. Послушаешь стариков, и слеза по небритой щеке течет. Сыскари носились собаками по Москве, три пары обуви за месяц в лохмотья изнашивали. Ну ваще! Улица Кирсарская, дом один, ориентировочно квартира три или два. Так моргает, словно между стенками находится. Хотя все же два.

– Артурчик, ты гений! – закричала я.

– Благодарность принимается в жидком виде, – серьезно ответил Пищиков и отсоединился.

Выскочив в зал, я сразу увидела Дину. И она меня тоже.

– Мы тебя ждем! – замахала руками бывшая подруга. – Поехали, надо отметить презентацию. Супер прошла!

– Извини, тороплюсь. – Я попыталась обойти хамку.

Но однокурсница оказалась проворной, она вцепилась в рукав моего платья и завелась:

– Если тебя зовут, неприлично отказываться.

– Я не могу принять предложения.

– Загордилась?

– Да! – рывкнула я. – Разбогатела и нос задрала, не желаю иметь дело с простыми людьми, общаюсь теперь лишь с олигархами, остальные в расчет не принимаются.

– Мне плевать на твой расчет, – затопала толстыми ногами Дина, – у меня собственные планы. Сказано – едем гулять, и точка!

Случись подобное не в тот момент, когда я торопилась к заболевшему Дегтяреву, думаю, я сумела бы купировать скандал. Но сейчас все мысли были заняты Александром Михайловичем, поэтому я гневно заявила:

– Я не твоя комнатная собачка! Прощай, Дина, ей-богу, мне некогда.

– Стерва, – прошипела Емельянова. – И всегда такой была, тебя все в институте ненавидели. Увела мужика у Симки Королевой... Сказано – поедешь с нами!

Я с силой отпихнула от себя сумасшедшую. Послышался треск, Дина пошатнулась и села на пол, рукав моего платья остался в ее побелевших от напряжения пальцах.

– Сволочь! Гадина! – понеслось по залу. – Мерзавка!

– Дина, успокойся, – послышалось сопрано Таси, – не стоит нервничать из-за ерунды.

– Зову ее выпить, а она...

Я выбежала на улицу, так и не дослушав, что думает обо мне Дина. Больше никогда не откликнусь на просьбы явно чокнутой Емельяновой! Я не обидела ее, просто вежливо отказалась от алкоголя и вечеринки. Но ведь нет ничего странного в том, что человек не хочет садиться пьяным за руль...

Квартира номер два оказалась на первом этаже. Я толкнула незапертую дверь, вошла в крохотную прихожую и крикнула:

– Дегтярев, ты где?

– Здесь, – прошелестело из узенького коридорчика, – на кухне.

Я кинулась на звук, очутилась в пятиметровом отсеке и сразу поняла, что жилплощадь принадлежит незамужней женщине. Ни одному существу мужского пола не придет в голову повесить на окно розовые занавески с рюшечками и поставить на шкафчик шеренгу кружек с изображением умильных котят. С другой стороны, семейная дама не оставит на самом виду пакет с прокладками и колготки.

– Как ты себя чувствуешь? – бросилась я к полковнику.

Однако не похоже, что у приятеля поднялось давление, – цвет лица у него вовсе не гипертонически-красный, а бледно-зеленый, зрачки во весь глаз, нос заострился. Не зная я Дегтярева много лет, приняла бы его сейчас за наркомана, настолько неадекватно выглядел Александр Михайлович.

Увидав меня, он попытался встать, но потерпел неудачу, его шатнуло в сторону.

– Ой, – выдохнул Дегтярев и глупо засмеялся, – штормит.

Не успев договорить, полковник начал икать.

– Ты пьян! – возмутилась я.

– Никогда не употребляю на работе, – еле сумел произнести Дегтярев. – Сама знаешь, только дома позволяю себе бутылочку пивка.

И это правда. Александр Михайлович плохо воспринимает алкоголь. Вернее, он спокойно может выпить много спиртного и не поморщится, но утром загулявший полковник будет мучиться жестоким похмельем! Кстати, ему станет плохо даже от не очень большой дозы крепкого напитка. Зная эту особенность своего организма, Дегтярев давным-давно перешел на пиво, он и впрямь никогда не смешивает службу с весельем.

На всякий случай я потянула носом воздух (господь наградил меня нюхом собаки, натасканной на взрывчатку). Если даже Александр Михайлович просто полизал рюмку из-под коньяка, я непременно учую запах. Но нет! От приятеля исходил слабый аромат лосьона после бритья, а от пиджака несло сигаретным дымом. Очевидно, полковник долго находился в компании куривших людей: либо сидел на совещании, либо в комнате для допросов. Это мне он делает резкие замечания при виде пачки моих тоненьких ментоловых сигарет, а коллегам и задержанным наш толстяк лекций о раке легких не читает.

– Что ты здесь делаешь? – спросила я.

– Не знаю, – растерянно ответил приятель.

– Пришел в гости?

– Нет... Не помню...

– А кто хозяйка?

– Понятия не имею, – вздохнул полковник.

– Но ты же зачем-то сюда приехал?

– Вроде да.

– Квартира не конспиративная, – принялась я рассуждать вслух, – выглядит жилой, следовательно, тебя могли привести сюда либо личные, либо служебные дела.

– Ага, – покорно согласился Александр Михайлович и опять, словно детсадовец, добавил: – Увези меня отсюда, очень голова кружится.

– Хорошо, – быстро согласилась я, – давай попытаемся уйти.

Дегтярев попробовал встать и тут же шлепнулся назад на табуретку.

– Не получается, – растерянно заявил он.

Я выхватила из сумки телефон.

– Сейчас вызову врача.

– Нет, нет, нет, – забеспокоился полковник, – ни в коем случае.

– Почему? – нахмурилась я. – Думаю, твой организм среагировал на смену погоды. Вчера вечером лил ливень, а сегодня с утра было уже тридцать градусов жары, даже у памятника Юрию Долгорукому от такого зигзага давление заскачет.

– У меня есть предчувствие, что назревают большие неприятности, – вдруг заявил полковник. – И чем дольше я тут сижу, тем оно сильнее. Не надо врача, я смогу спуститься вниз, дай руку.

После некоторого колебания я выполнила просьбу Дегтярева. Александр Михайлович с явным трудом встал, и мы медленно побрели в сторону входной двери.

Очутившись в прихожей, я спохватилась.

– А где твой портфель?

– На кухне, – ответил полковник.

Я прислонила приятеля к вешалке и пошла назад. Меньше минуты мне потребовалось, чтобы понять: портфеля там нет.

– Нашла? – поинтересовался Александр Михайлович.

– Нет, – ответила я.

– Он должен быть там, – занервничал Дегтярев. – Я всегда ношу при себе ключи, кошелек, очки, документы.

– Может, ты забыл, где оставил портфель? – осторожно предположила я.

– Никогда ничего не теряю, – отчеканил приятель и стал похож на прежнего Дегтярева. – Я крайне аккуратен и, в отличие от некоторых, не лишаюсь ума при виде тарелки с изображением собачки.

У меня слегка отлегло от души. Слава богу, Александр Михайлович начал нападать, это верный признак хорошего самочувствия.

– Сделай одолжение, посмотри в ванной, – предложил толстяк. – Я всегда, придя с улицы, мою руки, вполне вероятно, что портфель стоит возле раковины.

Но и в крохотном совмещенном санузле не было дорогого изделия из крокодиловой кожи, подаренного полковнику Зайкой на Новый год. Машинально я пробежалась взглядом по шеренге дорогих парфюмерных и косметических средств – сплошь новинки лучших фирм, – затем шагнула в сторону одной из комнат.

– Туда я не заглядывал, – остановил меня Дегтярев.

– Уверен?

– Абсолютно. Сразу прошел на кухню.

– И кто тебе открыл дверь? – заинтересовалась я.

Полковник потер затылок.

– Не помню, вроде она была не заперта.

– Может, ты просто забыл? Заглянул, предположим, в гостиную, оставил там портфель и ушел на кухню? – предположила я. – Надо поглядеть.

– С тобой бесполезно спорить, – устало заявил полковник, – легче согласиться, чем отстаивать свою позицию.

– Думаю, что отстаивать собственные взгляды следует лишь по принципиальным вопросам, – не удержалась я от замечания и распахнула белую, кое-где ободранную створку.

Взору открылась не очень большая, просто обставленная комната. Бордовый ковер с традиционным орнаментальным рисунком стекал со стены на софу, с потолка свисала обычная трехрожковая люстра, в углу маячил узкий стол, чуть поодаль стоял огромный буфет – настоящий монстр, занимавший большую часть жизненного пространства. Но комната почему-то выглядела нежилой. Если в кухне можно было сделать вывод, что хозяйка дома не утруждает себя наведением порядка (колготки и упаковка прокладок, брошенные на самом виду, свидетельствовали о том, что ей не свойственно класть вещи на место), то гостиная вообще выглядела так, словно сюда давно не ступала нога человека. Ковер был покрыт ровным слоем пыли, серый налет лежал на мебели. В довершение картины возле буфета стоял здоровенный мешок, в котором явно находился какой-то строительный материал. «Вечная пломба», – гласила надпись на упаковке. И пахло в гостиной так, будто здесь год не открывали форточку.

Я еще раз внимательно осмотрелась, отметив, что на полу валяется тряпичная кукла с фарфоровой головой. И никакого намека на портфель. Вот только между допотопным буфетом и столом имеется пространство, а с порога не видно, что там...

– Говорил же, я не заходил внутрь, – подал голос Дегтярев.

– Минуточку! – бодро воскликнула я и, сделав пару шагов, заглянула в укромный уголок.

Взгляд натолкнулся на молодую женщину, которая очень тихо сидела на полу. В первую секунду я изумилась. По какой причине хозяйка затаилась и молчит? Но потом мою спину закололи сотни булавок. Глаза незнакомки широко открыты, веки не мигают, рот слегка открыт, нижняя челюсть отвисла... И скорчилась девушка как-то не по-человечески, вывернув ноги, – в такой позе долго не продержаться. К тому же от тела исходил едва различимый неприятный запах.

– Дегтярев, – прохрипела я, с трудом подавив желание заорать и кинуться прочь, – говоришь, не совал сюда нос?

– Ну... да, – с легким сомнением ответил полковник, – вообще-то я плохо помню...

И тут я увидела портфель – он стоял на самом виду, у дивана. Оставалось удивляться, почему я не заметила его сразу.

Сжав волю в кулак, я наклонилась, схватила кейс, вылетела в коридорчик, отодрала полковника от вешалки и (откуда только силы взялись?) быстро дотащила его до выхода из подъезда. Надо отдать должное Дегтяреву – он шагал молча. Изредка Александра Михайловича шатало из стороны в сторону, один раз он чуть не упал, но в целом мы благополучно добрались до моей малолитражки.

Усадив приятеля на заднее сиденье, я спросила:

– Где твоя машина?

– Не знаю.

– Ты приехал сюда на метро?

– Не помню.

– Попытайся сообразить, зачем приехал на Кирсарскую улицу?

– По работе, – вдруг бойко заявил полковник.

– Здорово! – обрадовалась я такому прогрессу. – Дальше...

– А мне нечего рассказывать, – вяло ответил полковник и внезапно захрапел.

Я вцепилась в руль. Очень хорошо, что Александр Михайлович заснул, он не станет скандалить, узнав, куда едет. А доставлю я полковника прямиком в клинику к Оксане, пусть она осмотрит Дегтярева. Конечно, Ксюня хирург, но я доверяю ей больше, чем всем невропатологам мира, вместе взятым.

Александр Михайлович спал очень крепко. Его не разбудил удар, когда я, не заметив препятствия, на всей скорости влетела в яму на дороге, не вырвали из лап Морфея и два санитары, которые по просьбе Оксаны вытащили полковника из машины и, положив на каталку, повезли в приемный покой.

– Сиди тут, – велела подруга, убегая следом за ними, – я скоро вернусь.

Я кивнула, подождала, пока процессия скроется в глубине больницы, и пошла по извилистому, пахнущему хлоркой коридору. Должен же где-то быть пустой кабинет с городским телефоном?

Допотопный, сильно поцарапанный аппарат нашелся в комнате с табличкой «Смотровая». Я быстро набрала нужный номер и на одном дыхании произнесла в трубку:

– Улица Кирсарская, дом один, квартира два. По этому адресу находится труп женщины, дверь не заперта.

Дежурная попыталась задавать вопросы, но я опустила трубку на рычаг, быстро пробежала по коридору и села на неудобный жесткий стул, стоявший там, где меня оставила Ксюня. Даже если в милиции захотят установить, откуда прошло сообщение, меня не найдут. «Смотровая» пуста, дверь в нее открыта, воспользоваться телефоном может любой.

Глава 5

– Что случилось с Дегтяревым? – воскликнула Оксана, выскакивая из лифта.

– Я думала, ты ответишь на этот вопрос. Инсульт? – занервничала я.

– Не похоже, – помотала головой подруга.

– Но сначала он вроде потерял память, а потом заснул.

Ксюня кивнула:

– Это следствие травмы.

– Какой? – подпрыгнула я на месте.

– Черепно-мозговой. Полковника кто-то, грубо говоря, треснул по башке.

– Но его голова выглядела абсолютно целой, – с изумлением ответила я.

– Тем не менее имеется гематома от удара.

– Без внешних следов? – еще больше удивилась я. – Дегтярев почти лысый, любая царапина на макушке заметна!

– Его ударили сзади, – пояснила Оксана. – Случается такое: травма в наличии, хотя внешне – почти никаких признаков. Кстати, синяки ведь не сразу появляются. Давай рассказывай, что знаешь.

Я описала события, умолчав о мертвой женщине. Подруга вынула пачку сигарет.

– Сама я с таким явлением не сталкивалась, но в литературе описано много похожих случаев, – сказала она. – Человеческий мозг до сих пор остается загадкой, он обладает огромными компенсаторными возможностями и пытается любой ценой сохранить себя. Часто люди, пережившие стресс, временно теряют память – наш «компьютер» как бы стирает информацию в целях безопасности. В случае с Дегтяревым мы имеем классическую картину из учебника: сначала частичная амнезия, потом глубокий сон.

– И что будет, когда он проснется? – насторожилась я.

Оксанка развела руками.

– Либо расскажет, что случилось, либо нет.

– Это не инсульт?

Ксюня, осторожная, как все врачи, подняла одну бровь.

– Сейчас больным занимаются специалисты, но предполагаю, что причина дискомфорта пришла извне.

– Ага, пришла и стукнула его по черепушке, – подхватила я. – А дальше что?

– Пусть полежит в отделении, понаблюдается. Хуже от исследований ему точно не станет. Думаю, ему следует остаться у нас, пока он не придет в рабочее состояние.

– Что ему завтра принести? – остановила я Оксану.

– Обычный набор: тапки, халат, зубную щетку, минералку без газа, немного денег, ну и еду полегче, без его любимых свиных отбивных, пельменей и пива, – перечислила Ксюня. – Впрочем, о харчах не волнуйся, я сама приготовлю.

Сев в машину, я моментально позвонила заместителю полковника Витьке Кондратьеву и без особых церемоний спросила:

– Знаешь, чем занимается полковник?

– Рыбу ловит, – последовал спокойный ответ.

Думая, что зам Дегтярева решил объясниться эзоповым языком и под рыбой подразумевает преступников, я спросила:

– Какую? Ты в курсе?

– Понятия не имею, – заявил Витька. – Окуня или леща, я в обитателях морей и рек не разбираюсь.

– Перестань! – оборвала я не в меру расшутившегося Виктора. – Меня интересует, есть ли у Дегтярева в производстве дело со свидетелем или потерпевшим, проживающим по Кирсарской улице.

– Фиг его знает, – сказал Виктор и, похоже, принялся жевать сухари. – Вот прикатит назад, у него и спросишь!

– Кто прикатит? – не поняла я.

– Александр Михайлович.

– Откуда?

– Оттуда, где он с удочкой сидит, – хмыкнул Виктор. – Ты вообще где?

– В Ложкино ехать собираюсь, – ошарашенно ответила я.

– Хорошо вам! – с плохо скрытой завистью произнес Кондратьев. – Такой большой дом, что не замечаете присутствия друг друга. А мы, живущие в убогой двушке, мигом обрадуемся, если кто из членов семьи уедет. Сразу легче дышать станет, и в туалет очередь меньше. Ну ты даешь, Дашутка! Дегтярев семь дней как отбыл, а ты только сейчас забеспокоилась. Отпуск полковник взял, на две недели.

Я уронила телефон, быстро подняла и переспросила:

– Отпуск?

– Угу.

– В июне?

– А че странного?

– Дегтярев никогда не уезжает на рыбалку летом.

– Ну так сейчас, значит, он изменил своим принципам, отгулы накопились. Подробностей мне никто не докладывал, я скромный майор, ржавый винтик системы, полковники, даже хорошие приятели, с нами не откровенничают, – ерничал Виктор.

– Александр Михайлович неделю не появляется на рабочем месте?!

– Совершенно верно. Должен выйти в следующую пятницу, но, думаю, придет в понедельник. Кто ж под выходные на службу спешит?

– Спасибо, – прошептала я.

– Нема за шо, – бодро откликнулся Витька. – Хочешь совет? Ты хоть раз в неделю делай обход родного дома. Или переключку проводите, как на зоне, утром и вечером. Очень удобно – никого не потеряешь!

Сил и дальше терпеть зубоскальство Виктора не было. Я поставила телефон в специальный держатель и тупо уставилась на трубку, которую Машка щедро заклеила картинками с мопсами. Дегтярев отдыхает? Но он каждый день исправно встает в восемь утра, с самым несчастным видом пьет кофе и бредет к машине. Домой полковник прикатывает к началу программы «Время» – послушать новости, которые сообщает красавица Катя Андреева, ему просто необходимо. Причем остальных ведущих он игнорирует, Александру Михайловичу нравятся лишь самая красивая шатенка первого канала, а сейчас как раз ее рабочая семидневка.

Я потрясла головой. Но если Александр Михайлович объявил в отделе про поездку на рыбалку и более не кажет носа в служебный кабинет, то где он, простите за выражение, шляется целыми днями? Неужели полковник закрутил роман и я нашла его на квартире у любовницы? Вот шалун! Может, Дегтярева стукнул обиженный муж?

Только не подумайте, что во мне разыгралась ревность. Нас с Дегтяревым никогда не связывали никакие иные отношения, кроме дружеских, с годами толстяк стал мне прямо-таки родным братом. И я очень хорошо осведомлена о состоянии его здоровья: лишний вес, начальная стадия диабета, повышенное давление... Хорош букет для страстного влюбленного!

Но, увы, многие мужчины, перешагнув определенный возрастной рубеж, пускаются во все тяжкие. Как правило, вожжи попадают под хвост очень положительным дядечкам, тихим отцам семейства, начинающим дедушкам, мирно просуществовавшим большую часть жизни

возле единственной жены. Проснется однажды такой экземпляр, глянет на календарь и с тоской поймет: старость не за горами, а что он видел? Работа – дом – работа, копил на отдых, собирал на машину-дачу, поднимал детей... А жить-то когда? Супруга потолстела, обрюзгла, и не то беда, что сам мужик уже дедушка. Спать в одной кровати с бабушкой – вот где катастрофа. Ну и срывает у него резьбу. Как правило, осознав быстротечность времени, слегка траченный молью мужчина заводит роман на стороне.

Тут возможны два варианта развития событий. Новая женщина вызывает гормональный взрыв, на пике которого примерный семьянин бросает супругу, женится на любовнице и потом горько сожалеет о содеянном. В особенности если новая партнерша намного моложе. Гормоны долго не играют, за взлетом происходит падение, усталость и болезни. Чаще всего престарелого Ромео хватает инсульт, и обычно заботиться о недужном приходится первой жене – супруга номер два, юное создание, пугается болезни и бросает своего недавнего возлюбленного. Впрочем, возможен и менее экстремальный вариант: через месяц после ухода муж бредет назад в семью, и тут уж как получится: то ли жена примет, то ли вон пошлет. Очень редко новая любовь длится долго и приносит плейдеду счастье. Лично я знаю только один случай удачного брака пенсионера и студентки.

Неужели с Александром Михайловичем приключился подобный казус? К счастью, полковник не женат, моральных терзаний он не испытает. Интересно, почему Дегтярев скрыл от нас свое любовное приключение? Ладно, я понимаю, отчего он на службе наврал про рыбалку, но мы-то только рады были бы его счастью...

И тут перед моими глазами возникло пространство между буфетом и столом, фигура в странной позе, раскрытые глаза мертвой женщины... Господи, что случилось в той квартире? Кто ударил полковника? Муж его подружки? Или Александр Михайлович повздорил с любовницей, а та со всей дури шандарахнула милого тяжелым предметом по голове? По своему опыту знаю, как полковник способен взбесить окружающих. Одна его манера ничего не делать собственными руками и при этом руководить теми, кто выполняет работу, доводит домашних до истерики.

Не далее как неделю назад полковник сказал:

– Я хочу повесить ковер в своей спальне над кроватью.

И как поступит нормальный человек? Сначала он отправится в магазин, приобретет там названное изделие, прибьет рейку на стену, прицепит колечки... Ну и так далее. Но Дегтярев не таков.

– Купи ковер, – велел он мне.

Я покорно съездила в торговый центр и вечером была «награждена» гневным заявлением полковника:

– Что за дрянь? Уродство! И, наверное, отдала за него кучу денег!

– Не нравится, отправляйся за покупками сам, – взвилась я, ведь семь часов кряду выбирала ковер.

– Мне некогда! – возмутился полковник. – Ничего тебе нельзя поручить! Ну ладно... Иван, неси дрель!

Весь вечер Дегтярев пинал нашего несчастного садовника, объясняя ему, как правильно приделывать к стене планку. При этом учтите: пользоваться дрелью толстяк не умеет, знания его сугубо теоретические, и неизвестно, где он их почерпнул. Хорошо хоть Иван полнейший пофигист, поэтому он, не обращая внимания на «ценные указания», сделал работу так, как считал нужным. Зато Ирка, услышав от полковника: «Колечки пришивают не так! Слушай внимательно и учись, пока я жив...» – неожиданно решила подчиниться Дегтяреву. Повинуясь его указаниям, она нашла кольца по самому краю. Понятное дело, суровые нитки, которые Александр Михайлович велел использовать для пущей прочности, мигом прорезали обметку

на ковре, и он рухнул вниз. Думаете, полковник признал при всех: «Ну и дурак же я! Зачем поучал Ирку?»

Ошибаетесь, он не способен к адекватной самооценке.

– У кого-то руки косые, – зашипел Дегтярев, сверля домработницу гневным взглядом. – Вот народ... Ничего даже под моим мудрым руководством сделать не может!

Ирка всхлипнула и убежала.

– Немедленно пойд и успокой ее, – приказал мне полковник, – запомни и передай Ирине мои слова: «Обидчивость признак старости. Надо спокойно воспринимать справедливую критику».

– Лучше сам сходи, – попыталась я отказаться от поручения.

На чело полковника напозла туча.

– Мне утешать Иру? – изумился он. – Не имею времени на ерунду! Сама разберись с этой дурочкой. Ну ничего поручить нельзя! Иван, поднимай ковер, сейчас научу тебя правильно пришивать кольца...

Если послушать Дегтярева, то он умеет все: строить дома, варить борщ, вышивать крестиком, гладить рубашки, чинить телевизор, колоть дрова... Вот только отчего-то я ни разу не видела ничего, сделанного им лично.

Не всякая женщина вытерпит рядом столь разносторонне одаренную личность, кое-кто опустит-таки сковородку ей на затылок.

Внезапно меня зазнобило. Минуточку, пусть я права, Александр Михайлович повздорил с любовницей и получил крепкую затрещину. Но ведь полковник жив, а хозяйка квартиры мертва. Неужели Дегтярев потерял самообладание и... Ой, нет, это невозможно!

Не успела я перевести дух, как спине снова стало зябко. Ну и дурака же я сваяла! Если полковник бывал у любовницы, то в квартире полно отпечатков его пальцев. В ванной небось имеются его зубная щетка, одеколон, другие мелочи. А постельное белье? Криминалистам достаточно найти один волос, чтобы вычленив ДНК и узнать, кто лежал в кровати. И как надо было поступить? Не увозить полковника, позвонить Виктору, вызвать бригаду на место происшествия? Представляю, какие сплетни пойдут гулять по служебным кабинетам! Но еще хуже будет, если выяснится, что Александр Михайлович удрал с места преступления...

Между лопатками зачесалось, я поелозила спиной по спинке водительского кресла. Спокойно! Главное – не поддаваться панике, с любой бедой можно справиться, если сохранить умение мыслить логически. Полковник уверял, будто он не заходил в комнату. Но его портфель стоял в гостиной, значит... Ничего это не значит! Его кейс мог поставить туда убийца. С какой целью? Что делал в той квартире полковник? По какой причине он приехал на Кирсарскую? Кто стукнул толстяка? Нет ответа ни на один вопрос! Может быть, порыться в портфеле? Я никогда не заезаю в чужие карманы, не читаю смс-сообщения, адресованные другим людям, не шарю в чужом компьютере. Кстати, ничего подобного я не делаю потому, что не хочу ненароком узнать неприятную информацию, а также предпочитаю думать, что окружающие – милые, хорошие, правдивые люди. Но сейчас-то особенная ситуация, придется открыть кожаный чемоданчик... А между прочим, где он?

Я осмотрела переднее сиденье, потом заднее, вышла на улицу и зачем-то открыла багажник, затем снова села за руль. В отличие от полковника, я не страдаю амнезией и великолепно помню, как, обнаружив возле дивана в «нехорошей» квартире аксессуар из крокодиловой кожи, вынесла его к вешалке, поставила у галошницы, отлепила полковника от стены, осторожно вышла на лестничную клетку, повела пошатывающегося Дегтярева вниз, очень боясь встретить жильцов подъезда. Слава богу, никто по дороге нам не попался, я усадила Александра Михайловича на заднее сиденье своей машины и укатила прочь. А портфель... В ту же секунду невидимая рука стукнула меня кулаком по макушке, и я вздрогнула. «Дарья, ты редкостная идиотка! – не удержалась я от нелицеприятной оценки собственных действий. –

Ты забыла кейс в прихожей, и теперь он попадет в лапы ментов из районного отделения, приехавших по вызову анонима, то есть по моему!»

Глава 6

Я аккуратный и даже боязливый водитель, без крайней необходимости никогда не сунусь в левый ряд. Обычно мне и в голову не приходит пересечь двойную или непрерывную белую линию на мостовой, промчаться на красный свет и нагло мигать фарами водителю машины, которая медленно тащится впереди. Но сейчас, опять спеша на Кирсарскую улицу, я проделала все эти фокусы разом.

Имея в ближайших друзьях Дегтярева, я очень хорошо знаю, что милиционеры никогда не приезжают на место преступления через десять минут после вызова. И в особенности если речь идет о трупе. Мертвец никуда не денется, ему спешить незачем, он не встанет, не удрет. Вот как они рассуждают. Существуют, правда, некие неписанные правила, которым подчиняются люди в форме. Ну, допустим, о нахождении трупа сообщил, плача, ребенок, или мертвое тело находится в туалете коммунальной квартиры, – в подобных случаях бригада мигом прискачет. Но ведь пешком специалисты не пойдут, а машины в отделении могут быть заняты или сломаны... Или, скажем, в районе за вечер уже случилась пара-тройка происшествий: огнестрел, попытка самоубийства, грабеж. Там-то люди живы и нуждаются в скорой помощи! А труп, да еще если о нем сообщает аноним... Моментально возникает мысль, что тело находится в пустой квартире. Ну и какой смысл торопиться?

Может, никто еще на Кирсарскую не приехал? Сейчас быстренько примчусь туда, схвачу кейс и убегу. Так рассуждала я. И, успокаивая себя, неслась по городу, забыв о правилах дорожного движения.

Наконец моя «букашка» влетела в знакомый двор. Нога моментально нажала на тормоз. Вот черт, опоздала! Толпа нервно переговаривающихся соседей у подъезда, рядом обшарпанный микроавтобус с синей полосой, ржавые «Жигули» и надраенная дешевая иномарка, стоящая поперек тротуара (некоторые из оперативников прибыли на личном транспорте)...

Не желая привлекать к себе внимания, я припарковалась за мусорными баками, потом приблизилась к толпе и спросила у полной тетки в ярко-красном халате:

– Что тут случилось?

– Юлька померла, – охотно ответила женщина.

– Ой-ой-ой, – запричитала я, – плохо-то как! Наверное, семья перепугалась!

– Одинокая она, – перебила меня баба. – У нее даже никого! По Кольке убивалась, вот и довела себя. По двору тенью ходила, серая, как мышь!

– Скорей уж крыса, – неожиданно зло вмешалась в разговор девушка, одетая в рваные джинсы. – Не пори глупостей, Анька, Юля Колю терпеть не могла! Я точно знаю.

– Сама заткнись! – зашипела Аня в красном халате. – Весь дом знает, как ты, Светочка, за Колькой бегала, а он взял да и на Юльке женился. У них страсть случилась.

– Ха! – скривилась Света. – Ты на каком этаже живешь?

– На пятом, – растерянно ответила Аня. – А че?

– Далеко от Моргаловых, – прищурилась Света. – А я с ними через стену. Распрекрасно их скандалы слышала!

– Мама, я есть хочу, – полетел над толпой тоненький детский голосок.

– Вот зараза, – покачала головой Аня, – на секунду из дома уйти нельзя. Погоди, Юра, сейчас вернусь!

– Анька, шалава, – заорали сверху, – шляешься по двору, а муж жрать хочет!

Тетка в красном халате опрометью бросилась ко входу в подъезд, Света презрительно поморщила нос.

– Видела? Ничего не знает, а треплется. Юлька из-за мук совести повесилась!

– Как повесилась? – оторопела я.

– За шею, – сверкая глазами, сообщила Света, – в туалете, на трубе! Ее Марь Сергеевна нашла. Вернее, Роберт, пудель ее, забежал в квартиру, дверь открытой была. А там Юлька висит, ногами качает, на груди записка: «Простите, люди добрые, я отравила Колю!»

У меня закружилась голова. Ситуация с каждой минутой становилась все непонятнее. Я хорошо помню, что мертвая женщина сидела в укромном месте между громоздким буфетом и столом. Значит, после того, как я уволокла Дегтярева, в незапертую квартиру кто-то вошел и повесил тело? Зачем? С какой стати убивать мертвеца? Да еще прикреплять к нему записку...

– Успокойтесь, Юля умерла дома, плохо ей стало с сердцем, – сказала седоволосая дама в элегантном «английском» костюме. Одежда выгодно отличала ее от большинства теток, выскочивших на улицу прямо в домашних халатах.

– Вы, Нина Ивановна, как всегда, правду знаете... – съязвила Света.

– Конечно, деточка, – кивнула дама. – Кстати, поправь юбку, встань ровно, не горбись и выплюнь жвачку – неприлично беседовать с набитым ртом.

Неожиданно девушка покорно выполнила приказ.

– Хорошо, – одобрила Нина Ивановна. – Но жвачку лучше было завернуть в бумажку и отнести в урну.

Света покраснела и шмыгнула в толпу.

– Люди обожают придумывать несуществующие подробности, – хорошо поставленным голосом продолжала дама. – Повесилась... Хорошо хоть про выстрелы никто не соврал. Юля умерла от сердечного приступа, что, учитывая произошедшие в ее жизни события, совсем не странно.

– А что у нее случилось? – мигом поинтересовалась я.

Нина Ивановна окинула меня цепким взглядом.

– Вы не из нашего квартала, – резюмировала она.

– Неужели вы знакомы со всеми жителями? – улыбнулась я.

Дама осторожно поправила большую брошку, придерживавшую воротник кружевной блузки.

– Наша школа единственная в округе, – царственно сообщила она. – Я учу уже третье поколение детей, знаю не только их родителей, но и дедов, обязана быть в курсе всех происходящих событий. А поскольку мой бывший выпускник Роман Козлов – кстати, жуткий хулиган и двоечник, трудно было предположить, что он пойдет служить в милицию, – приехал сюда по вызову, то я подошла к нему, поговорила и, в отличие от сплетников, владею достоверной информацией. Так кто вы?

– Газета «Желтуха», – бойко отрапортовала я, – отдел криминальных новостей.

– Оперативно работаете, – отметила Нина Ивановна.

– Журналиста ноги кормят, – заявила я. – Дадите интервью?

– Никогда не читаю бульварных изданий. – Учительница гордо вскинула голову. – Глупость несусветную пишете! Во вчерашнем номере поместили статью про собаку, которая провела детство в стае ворон и теперь летает над Москвой. Неужели находятся люди, верящие подобным сенсациям?

Я развела руками и постаралась не засмеяться. Про псину, парящую в воздухе, журналисты, конечно, соврали, но откуда Нина Ивановна знает об этом, если она не прикасается к «Желтухе»? Странное дело: все люди, как один, осуждают данное издание, никто его не покупает, не читает, не листает... а тираж «Желтухи» растет как на дрожжах.

– Но, с другой стороны, – методично вещала Нина Ивановна, – если я откажусь от интервью, вы побеседуете со Светой или бабой Раей. А они вам такого наболтают! Видите скамеечку? Можем там присесть.

Мы отошли в сторону и устроились на ободранной лавочке.

– Спрашивайте, – разрешила учительница.

- Где милиция? – ринулась я в бой.
- В квартире, осматривают место происшествия.
- Что-нибудь выносили оттуда? – задала я самый главный для себя вопрос.

Нина Ивановна пожала плечами.

- А что можно вынести?

– Вещи. Допустим, сумку, портфель, чемодан.

– Нет, – твердо ответила собеседница, – только тело в мешке. Вы хотите узнать подробности о несчастной Юлечке или желаете накропать статейку о том, как люди в форме обокрали квартиру покойной?

К сожалению, сказать Нине Ивановне правду нельзя. Оставалось лишь одно: каким-то образом подольститься к тетке, которая хорошо знает сотрудника отделения, выслушать ее рассказ, а потом попросить отвести меня в квартиру и... и... Главное, попасть внутрь, а там я разберусь.

– Юлия неплохая девушка, вот только с моральными устоями у нее было шатко, – спокойно, словно объясняя детям новую тему, завела Нина Ивановна. – Добрая – могла за чужим ребенком во дворе приглядеть, а когда Олеся Сергеевна из сороковой квартиры ногу сломала, Юлия в магазин за продуктами для нее бегала. Не за деньги, просто по-соседски. Еще она хорошо относилась к животным, кормила дворовых кошек, что лично мне импонирует.

– Милая девушка, – кивнула я.

– В принципе да, – согласилась Нина Ивановна. – Вот только очень она хотела выскочить замуж за богатого и знаменитого.

– Неоригинальное желание, – отметила я. – Большинство женщин не откажется от парня с километровым счетом в банке.

– Ну и глупо! – воскликнула Нина Ивановна. – Если вас покупают, будьте готовы к тому, что хозяину может надоесть игрушка и он захочет новую. На мой взгляд, следует отыскать человека с хорошей перспективой и вместе с ним строить свое будущее. Вот почему, когда Юля явилась ко мне за советом, я высказалась определенно: Николай хорошая партия, а тот, другой... Да, он обеспечен, но состоит в браке, хоть и гражданском...

– Юля ходила к вам с личными проблемами? – уточнила я.

– Да, – кивнула Нина Ивановна. – Родители у нее умерли, а подружки полные дурочки. Я была у Юлии классным руководителем, и хотя она школу уже закончила, по-прежнему считала меня авторитетом. Вкратце проблема выглядела так. Юля работала официанткой в ресторане, и один из постоянных клиентов, солидный мужчина в годах, попытался завязать с девушкой отношения...

Началось все с больших чаевых. Александр, так звали мужчину, каждый раз оставлял солидные суммы. Когда они стали превышать сам счет, Юля не выдержала и сказала ему:

– Это уж слишком, мне неудобно брать такие деньги.

Александр ухмыльнулся:

– Деточка, не волнуйся, ты достойна большего, чем жалкие копейки.

С этими словами посетитель вынул коробочку и протянул ее Юле. Внутри оказался симпатичный кулончик в виде золотой лошадки.

– Нравится? – улыбнулся Александр.

– Очень, – выдохнула Юля.

– Тогда надевай, – предложил он.

Юля кивнула и положила подарок в карман.

– Не хочешь прямо сейчас примерить подвеску? – расстроился клиент.

– У меня нет цепочки, – смущенно призналась официантка.

Александр стукнул себя по лбу.

– Господи, какой я дурак!

Вот так и разгорелся роман. Александр пригласил Юлечку сначала в кино, потом в театр, ухаживал красиво – дарил букеты, конфеты, украшения. И в конце концов отношения плавно подошли к рубежу, когда девушка уже просто не могла дальше отказывать кавалеру. Вот тогда Юля и прибежала к Нине Ивановне за советом.

– Уж и не знаю, как поступить, – сказала она ей. – За мной ухаживают двое: Александр и Коля из второго подъезда.

– Я знаю Николая, – кивнула Нина Ивановна, – положительный молодой человек. Не пьет, не курит, это хорошая партия.

– Он бедный, – уточнила Юля. – Зарплата маленькая, машины нет и своей квартиры тоже – живет вместе с мамой, а у той характер хуже, чем у Бабы-яги. А Александр богат, имеет загородный особняк, автопарк и денег немерено.

– Если речь идет лишь о материальном благополучии, то, безусловно, второй вариант более привлекателен, – трезво оценила расклад учительница, – но семейная жизнь – это не только трата денег. С мужем придется спать. Ты готова спать с Александром?

Юля покраснела.

– Ну... да, – неуверенно подтвердила она. – Я, правда, еще... ни с кем...

– Молодец! – похвалила Нина Ивановна. – Редкая девушка теперь сохраняет чистоту до брака. Подумай, кстати, и о возрасте. Какая у вас с Александром разница?

– Больше двадцати лет, – прошептала девушка.

– Значит, через два десятилетия ему будет ой-ой сколько годков, – безжалостно сказала учительница, – и тебе придется ухаживать за стариком, терпеть его капризы. Когда собираешься выходить замуж, обязательно нужно оценить перспективу.

– Александр в загс меня пока не зовет, – призналась Юля. – У него есть супруга, правда, гражданская, и двое детей, сын старше меня.

– Деточка! – всплеснула руками Нина Ивановна. – Немедленно рви всяческие отношения с этим сластолюбцем. Я не одобряю охоту в чужом огороде, на горе другого человека свое счастье не построить. Сколько лет Александр живет в браке?

– Жена у него неофициальная, – напомнила официантка, – но вместе они не один год.

– Какая разница, – отмахнулась учительница, – штамп в паспорте ни при чем. Мужчина и женщина ведут совместное хозяйство. Он ее никогда не бросит. И потом, там дети!

– Они взрослые! – снова напомнила Юля.

– Ну и что? Родная кровь от времени не портится. Потеряешь лучшие годы впустую и останешься одинокой. Лучше строй отношения с Николаем, – твердо посоветовала Нина Ивановна.

– Он бедный!

– Еще разбогатеет.

– Живет с мамой! – повторила Юля.

– У тебя есть своя площадь, – отмела последние сомнения советчица. – Хорошо получится: свекровь отдельно, вы в своем гнезде. Николай – это стабильность, брак, дети, в конце концов. А твой Александр? Что он тебе даст? Положение любовницы.

– Он богатый!

– Фу, – фыркнула Нина Ивановна. – Ты его любишь?

– Ну-у, – протянула Юля, – может, и так...

– Если представить, что Николай обладает домом, машиной, капиталом, за кого пойдешь? – тоном змея-искусителя продолжала учительница.

– За Колю, – без колебаний ответила Юля.

– Вот и поступай по велению сердца, – торжественно заявила Нина Ивановна, – у хорошей жены муж из солдата до маршала дорастет.

Юля вышла замуж за соседа, и Нина Ивановна искренне порадовалась за девушку. Коля, желая обеспечить жену, старался изо всех сил. Не прошло и полугода после свадьбы, как скончалась его мать, парень продал ее квартиру, купил авторемонтный бизнес и начал зарабатывать деньги. Юлю он заставил уйти из официанток и велел ей учиться на бухгалтера.

Однажды Нина Ивановна столкнулась с бывшей ученицей во дворе и спросила:

– Ну как дела?

– Супер, – без особого энтузиазма ответила Юля, – все, как вы обещали: Коля пытается разбогатеть, я учусь. Жизнь тихая, размеренная. Вот получу диплом, и о детях подумаем.

– Отлично! – воскликнула Нина Ивановна. – Видишь, ты сделала правильный выбор.

– Угу, согласна, – кивнула Юля, но в глазах ее неожиданно заблестели слезы.

– Что-то не так? – испугалась учительница.

Юля опасливо оглянулась.

– Можно я к вам зайду? Давайте сумку. Если кто поинтересуется, скажу, помогла картошку донести.

Глава 7

Очутившись в квартире у Нины Ивановны, Юля зашмыгала носом.

– Коля меня бьет, – прошептала она.

– Ты уверена? – От неожиданности учительница задала глупый вопрос.

Юля задрала блузку.

– Мама! – воскликнула Нина Ивановна, увидев синяки. – За что же он тебя так?

– Подарок нашел, – пролепетала девушка, – колечко от Александра.

– Мерзавец! – с чувством произнесла дама. – Но и ты хороша. Следовало перед свадьбой вернуть презенты. Николай, похоже, очень ревнив. Впрочем, это не оправдывает его хамского поведения.

– И что же делать? – простонала Юля. – Сил больше нет! Каждый вечер одно и то же – гоняет меня по комнатам! Он жутко хитрый: по лицу не дубасит, заткнет мне рот полотенцем, чтобы не орала, и лупит по спине. Соседи думают, что мы шоколадно живем.

– Садист! – возмутилась Нина Ивановна. – Попытайся ему объяснить, что у любой женщины имеются небольшие сувениры из прошлой жизни. Ты, конечно, совершила ошибку. Ну зачем рассказала ему про Александра? Если Николай еще раз поднимет на тебя руку, пусть уходит вон.

– И куда ему идти? – грустно спросила Юля.

– В родительскую квартиру!

– Она давно продана, – напонила девушка.

– Действительно... – опомнилась Нина Ивановна. – Ладно, перестань рыдать. Вообще-то хаму следовало дать отпор сразу, а ты терпела побои, чем еще больше его распалила. Ну да ладно... Слушай меня. Сейчас идешь домой и, если Николай принимается за любимое занятие, позвонишь мне. Я прибегу и наведу порядок.

– Хорошо, – пообещала Юля и ушла.

Около полуночи в квартире учительницы ожил телефон. Успевшая крепко заснуть Нина Ивановна с трудом нашарила трубку и недовольно спросила:

– Кто там?

В ответ послышался шорох, потом звенящий от злобы далекий голос:

– Сука! Ща тебе мало не покажется! Молчишь? Я заставлю тебя говорить! Все расскажешь!

Нина Ивановна схватила халат и побежала в соседний подъезд.

Дверь ей открыл Коля.

– Че надо? – грубо спросил парень.

– Где Юля? Позови ее, – потребовала учительница.

– Жена давно спит! – нагло отрезал Николай.

– У вас свет горит! – не дрогнула преподавательница.

– За фигом приперлась? – набычился хозяин.

Может, кто другой и поостерегся бы спорить со здоровенным молодым мужиком, обладателем пудовых кулаков, но для Нины Ивановны Коля так и остался лопухим пятиклашкой.

– Моргалов, ты как себя ведешь? – рявкнула дама. – Заправь футболку в брюки, причешишь и стань прямо!

Коля растерялся и машинально начал приглаживать волосы, а Нина Ивановна беспрепятственно проследовала в гостиную.

На полу, около дивана сидела полуобнаженная Юля, изо рта у нее торчал кляп, рядом валялась наволочка, набитая чем-то твердым.

– Мерзавец! – вскипела преподавательница. Она бросилась к избитой Юлечке и вытаскивала кляп. – Сейчас милицию вызову! А избежишь суда, весь дом на ноги поставлю, убежишь отсюда, люди запозорят!

Внезапно Николай рухнул на софу и обхватил голову руками.

– Делайте че хотите, – простонал он. – Юлька ваще обнаглела. Совести у нее нет – подарки от любовника домой тянет! Вот я и сорвался, насовал ей. Думал, она испугается и мы опять хорошо заживем!

– Идиот! – в сердцах воскликнула Нина Ивановна. – Юля за тебя невинной девушкой выходила. А колечко, которое тебя взбесило, ей и правда ухажер подарил, только это давно произошло!

Николай рывком вскочил с дивана, схватил сумку Юли, перевернул вверх дном. На стол выпали купюры и бархатная коробочка.

– Во, – закричал он, – с собой таскает! Любовничек ей колечки дарит! Деньги дает!

– Юлия, – оторопела Нина Ивановна, – так ты встречаешься с Александром?

– Всего пару раз, – плаксиво протянула девушка. – Меня муж заставил! Скажи, Коля, что я правду говорю!

– Ну... верно, – нехотя признал парень.

У бедной учительницы голова пошла кругом.

– Ничего не понимаю, – пробормотала она.

– Все очень просто. – Юлия вскочила с пола. – Из Кольки бизнесмен как из меня десантник, да и то скорей я с парашютом прыгну, чем он бабки заработает.

– Заткнись, – устало сказал муж.

– Фиг тебе! – азартно заявила Юля. – Вел дело по-идиотски и все потерял. Кто меня к Александру отправил? «Мне бы только подняться. Возьми у него в долг, разбогатею и верну!» Ты не приказывал такого?

Николай сторбился.

– Ты попросил кредит у Александра! – ахнула Нина Ивановна.

– Ха, попросил! – скривилась Юля. – Как бы не так – он его шантажировал! Велел мне его напугать, дескать, не отсыплет бабла, жена узнает об измене. Наш Коленька молоток, он много чего выяснил...

По лицу девушки покатались слезы, но она не замолчала:

– Все мужики козлы! Александр передо мной крутого корчил, а оказалось... И особняк, и деньги у его бабы, а у моего кавалера фига. Жена, между прочим, не гражданская, как он мне врал, а законная. И хозяйка всего! Во приколы – она мужику кредитку выдала, тот и рассекает с ней, но даже трусы на нем на ее деньги куплены. Разве такой бабки даст? А Колька озверел, давай меня бить...

– Гадина! – дернулся Николай.

– Попробуй возьми дубину, – скорчила рожу Юля, – думал, раз втихаря меня лупасишь, никто не узнает? Ан нет! Нина Ивановна в курсе, она даст показания в ментовке!

– Гадина, – прошептал Коля.

– Сволочь! – не осталась в долгу Юля. – Давай, двинь мне в глаз! Нина Ивановна ментов вызовет, у нее в отделении каждый второй свой, она им двойки ставила. Живое ей поверят, а тебя за нанесение телесных повреждений арестуют и на зону упрячут. Я с тобой разведусь, из квартиры выпишу...

Тут только до Нины Ивановны дошло, какую роль ей уготовили.

– Юля! Ты поступаешь непорядочно! – не удержалась она.

Молодая женщина погрозила бывшей преподавательнице пальцем.

– Кто мне совет дал за Кольку замуж выйти? Послушалась вас и в жопе сижу! Ни денег, ни личной жилплощади. Это вы за мою беспросветную семейную жизнь в ответе, очень уж настаивали на браке с Колькой. А че вышло?

Учительницу охватило глубочайшее возмущение. Она встала, выпрямила спину и, не говоря ни слова, ушла.

Не прошло и полгода после той ночной беседы, как Николай умер. Во дворе поговаривали, что он покончил с собой из-за проблем в бизнесе – автомастерская не приносила дохода, Коля был по уши в долгах. После его кончины к Юле несколько раз приходили парни весьма специфического вида: бритоголовые, с золотыми цепями на квадратных шеях. После одного такого визита молодую женщину с сердечным приступом увезла «Скорая»...

Нина Ивановна перевела дух.

– Думаю, сегодня они опять заявили с нее долги требовать, – сказала она. – Но мне Моргалову не жаль. Гадкая девица, гнилая внутри, конфета с тараканом!

Я передернулась, услышав последние слова учительницы. Вот так эпитет!

Нина Ивановна вновь поправила брошку и начала раздавать указания:

– При написании статьи вам надо правильно расставить акценты. Главная мысль публикации: люди, живите честно, не подличайте, любое зло, даже вскользь оброненное плохое слово, вернется к вам бумерангом. Помните, вас читают подростки, наиболее восприимчивая часть общества и...

Я кивала, краем глаза косясь на подъезд. Внезапно толпа, топтавшаяся у входа, в едином порыве шархнула в сторону.

– Вон, идут, – зашелестело над двором.

Из подъезда показались мрачные мужчины, одетые в джинсы и мятые рубашки. Впереди шел криминалист, я вычислила его по железному чемоданчику, а за ним лысый парень с планшеткой, скорей всего один из оперативников. Дверь хлопнула и вновь открылась. Появилась женщина лет сорока, она несла... портфель Дегтярева, слишком большой для того, чтобы положить его в прозрачный пакет для улик.

Я вскочила и побежала к подъезду.

– Разойдитесь, – вяло вещал молодой человек в голубой рубашке, – ничего интересного нет!

– Ее убили? Как? – заинтересовались в толпе. – Чем?

– Вскрытие покажет, – устало ответил один из милиционеров. – Разойдитесь по домам, вас потом опросят, расскажете, что знаете.

– Говорят, она сама померла, от сердца, – прозвенел женский голос.

– Повесилась! Не, ее застрелили! – волновались соседи.

– Без комментариев, – буркнул оперативник.

– Серега, я покурю? – спросила женщина и поставила портфель полковника у своих ног.

– Пяти минут тебе хватит? – занервничал Сергей. – Не волнуй, Катерина Михална!

– Я быстро, – заверила Екатерина и чиркнула зажигалкой.

Толпа стала медленно подступать к тетке.

– Хотите чайку?

– Может, бутербродов приготовить?

– Ой, бедные, сутками работаете, – запричитала женская часть собравшихся.

– Чего гундеть? – вступил в разговор здоровенный мужик, подпиравший стену дома. –

И правда, принесите людям пожарь.

– Ща слетаю, – пообещала одна из женщин и исчезла в подъезде.

Я с тоской смотрела на портфель Дегтярева. Близок локоток, да не укусишь. Даже если я сумею незаметно подобраться, схватить кейс и исчезнуть, Екатерина Михайловна сразу обнаружит пропажу, поднимет крик...

Внезапно во дворе появился мужчина лет шестидесяти, одетый, несмотря на теплую погоду, в серый плащ и шляпу.

– Во, Андреич чапает, – хихикнула девочка-подросток, – сейчас всем головой устроит.

Дядечка не спеша подошел к толпе, поставил на тротуар свой портфель и противным, по-бабьи визгливым голосом осведомился:

– По какому поводу митинг?

– Тебя спросить забыли, – ответила одна из баб.

– Караваева, – не замедлил отреагировать Андреич, – когда долг по квартплате погасишь?

– Явилась народная совесть... – пробурчала Караваева.

– Бутерброды готовы, – закричала худенькая женщина, выскакивая из подъезда. – Эй, ребята, налетай!

Во дворе началась суматоха. Караваева ругалась с Андреичем, Екатерина Михайловна взяла один бутерброд и пошла в сторону детской площадки, где на деревянном столике, словно по волшебству, появилась банка растворимого кофе, чайник и несколько кружек. Часть баб потянулась за ней, мужики обступили Сергея...

С самым невинным выражением на лице я схватила портфель Андреича, подошла к кейсу Дегтярева и мгновенно произвела обмен. На первый взгляд портфели очень похожи, и только потом становилось понятно: у полковника дорогой вариант, настоящая крокодиловая кожа, а у местного правдоруба дешевая поделка из дермантина. Но я очень надеюсь, Екатерина Михайловна сразу не разберется, что произошло, я успею дойти до машины, прежде чем Андреич обвинит ее в воровстве.

Богиня удачи взяла меня под свое крыло – никем не замеченная, я уселась за руль и унеслась с места происшествия. Даже если менты открывали кейс и нашли там документы на имя Дегтярева, все равно улики «убежали». Попробуй теперь докажи, что он находился в квартире! Конечно, это некрасивый поступок, но я же не чужую вещь украла – взяла портфель полковника.

Слегка успокоив так совесть, я поехала в сторону Ленинградского шоссе, и тут меня испугал резко зазвонивший телефон.

– Кто? – спросила я, придерживая трубку плечом.

– Кондратьев, – прозвучало в ответ.

– Фу! – выдохнула я. – Чего тебе?

– Да вот, – как-то странно ответил заместитель Дегтярева, – решил узнать, что полковник поделявает?

– Он на рыбалке, – бойко заявила я, – окуней таскает!

– Его мобильный не отвечает.

– Наверно, забыл зарядить аппарат.

– Не выходит на связь, – зудел Виктор, – ничего не приказывает, пропал...

– Вы с Александром Михайловичем перезванивались?

– Ну... да, – признался Витька. – Скажи, а почему ты спрашивала про Кирсарскую?

– Я?

– Ты.

– Когда?

– Некоторое время назад.

– Не помню, – соврала я.

Витька тяжело вздохнул.

– Хватит притворяться. Я с самого начала подозревал, что он тебя привлек. Конечно, я уважаю полковника, но он совершенно не способен работать один. Черт бы этого Тёму побрал! Александр Михайлович из-за него в это дело полез.

Я перестала соображать, о чем идет речь.

– Про какого Тёму ты говоришь?

– Да про сыночка его!

– Парень преспокойно ремонтирует дом, – сообщила я Виктору. – Вплотную занялся покраской, побелкой и прочим. Сейчас, правда, временно притормозил – убыл в командировку.

– Черт бы побрал детку! – взвизгнул Витька.

– Чем он тебе не угодил? – поразились я.

В трубке повисла тишина, потом Кондратьев устало сказал:

– Можешь приехать ко мне домой? Поговорить надо.

– Вроде поздно, у тебя, наверное, теща спать легла.

– Разве эта гидра раньше двух уgomонится? – зло перебил меня Витька. – Шастает и шастает через нашу комнату – то ей пить, то в туалет охота. Никакой семейной жизни, Ленка меня отпихивает, боится, мамочка чего увидит, а та нарочно ходит – змее в кайф людям мешать. И ведь предлагал ей комнатами поменяться, вежливо просил: «Дорогая Галина Михайловна, давайте мы в вашу десятиметровку переберемся, а вы в нашей спите». Но нет! Уперлась и давай ахать: «Никогда детей в теснотищу не поселю! Сама помучаюсь, лучше задохнусь в чулане, чем причиню вам неудобство!» И опять мимо нашего дивана шмыг-шмыг-шмыг... Падла! Ты в квартиру не звони, запаркуйся во дворе и мне на мобилу смс сбрось, тут же спущусь. Сколько тебе времени надо?

– Думаю, полчаса, – пообещала я.

Глава 8

– Хороша игрушечка, – засопел Кондратьев, влезая в мою малолитражку, – не отказался бы от такой.

– Зачем тебе женский вариант? – пожала я плечами. – Несolidно.

– Мне с двумя спиногрызами ваще никакой не светит. Вся зарплата в унитаз идет, – заявил Витька. – Курить можно?

– Пожалуйста, – милостиво разрешила я.

Кондратьев вытащил из кармана пачку. Я покосилась на нее – однако, дорогие сигареты для парня, жалующегося на постоянное отсутствие средств. Если в семье считают копейки, мужчина должен сухой навоз в газету заворачивать.

– Круто тут у тебя, – все восхищался машиной Витька. – Кондиционер, всякие штучки... А у меня...

– «Бентли» шикарнее, – перебила я нытика, – «Роллс-Ройс» еще дороже, а в машине султана Брунея покрышки натянуты на золотые диски, украшенные брюликами. Нет предела совершенству. Гиблое дело гнаться за роскошью.

– Мы, нищие людишки, ездим на метро и...

– Ты звал меня, чтобы спеть песню о своем бедственном положении? – не выдержала я. – Вроде ты не инвалид, руки-ноги на месте. Мало получаешь? Ищи другую работу. Слава богу, в Москве живешь, каждой фирме охранники требуются.

Витька скорчился так, словно глотнул неразведенный лимонный сок.

– Очень уж ты резкая. Скажешь, как плюнешь. Вот полковник и полез в стремное дело. Имей он дома уважение и ласку от жены, то...

– Мы с ним друзья!

– А то никто правды не знает, – заржал Витька. – Помнишь, Дегтяреву медаль вручали, и вы все приперлись? Семейка Адамс! Хорошо хоть собак дома оставили!

– Было дело, – пожала я плечами. – А что? У Александра Михайловича случился редкий праздник, мы захотели в нем поучаствовать.

– Даже генерал заметил, говорил потом: «Сынок-то у полковника, который Аркадий, просто копия папаши».

Я поперхнулась. Ну конечно, Кеша и Дегтярев просто клоны. Аркадий высокий, худой, темноволосый и с карими глазами, практически никогда не выходит из себя, а если вам удастся разозлить адвоката, то он, и без того бледный, становится просто синим и начинает шипеть, как разбуженная в недобрый час кобра. Александр Михайлович, если честно, похож на хомяка-переростка. В юности полковник, кажется, имел русый цвет кудрей, точнее не скажу, потому что уже давно макушку Дегтярева украшает лысина, по бокам которой свисает нечто, напоминающее бахрому от пледа, пожеванную собаками. Глаза у приятеля голубые, а в гневе они сереют, и сам полковник делается похожим на перезрелый помидор. К тому же он всегда орет дурниной. Кеша ест мало, в основном налегает на салаты; полковник, коли его не отогнать от холодильника, слопает все с полок. Первый пьет виски, второй только пиво. Один обожает носиться по городу и легко нарушает правила дорожного движения, другой плюхает со скоростью сорок километров в час, висая на руле. Ну согласитесь, трудно найти более похожих людей, стопроцентно они – отец и сын.

– Не повторяй глупые сплетни, – не удержалась я от замечания, – а живенько объясни, по какой причине меня сюда вызвал. Вечер на дворе, я хочу домой.

Витька почесал переносицу и завел обстоятельный рассказ.

Некоторое время назад у Александра Михайловича вдруг капитально испортилось настроение, он стал хмурым и, что особенно насторожило Кондратьева, перестал орать на под-

чиненных. Отдел давно привык к головомойкам от полковника и воспринимает их как отеческую заботу. Александр Михайлович человек незлопамятный, отчитав кого-нибудь, он моментально забывает об инциденте, и можно спокойно работать дальше. Регулярно устраивая своим людям встряску, полковник всегда защищает их перед начальством. Один раз кто-то из вышестоящих решил погонять подчиненных Дегтярева, и тогда Александр Михайлович произнес гениальную фразу, которая навсегда вошла в местный фольклор. Глянув на разошедшегося начальника, он (тогда еще майор) твердо заявил:

– Этих людей бью только я. Если хотите, можете орать на меня, но остальных не трогайте.

Дегтярев не берет взятки, не подставляет своих, пытается выбить им квартиры (один раз ему это удалось), сквозь пальцы смотрит на небольшие нарушения дисциплины и, если человек хорошо работает, прощает ему все. Теперь понятно, почему подчиненные спокойно относятся к перепадам его настроения? У них фаза, когда начальство, краснея от гнева, принимается стучать кулаком по столу, называется «дерьмо попало в вентилятор». Главное, прижать уши, опустить хвост и исправно дрожать, демонстрируя полнейший ужас.

А тут вдруг Александр Михайлович стал тихим, очень вежливым, каким-то потухшим.

Через неделю народ забил тревогу, Витьке поручили разобраться в ситуации. Кондратьев потащил полковника в сауну, там мужики попарились, хряпнули пивка, закусили сушеной рыбкой, и Дегтярев начал жаловаться.

– Сволочь я, Витя, – чуть не плакал он, – про сына не знал, не помогал ему, даже теперь не могу дать денег парню³.

– Так он алмазами торгует, – напомнил Витька, – кучу магазинов имеет. На фига козе баян? Сынишка твой миллионами ворочает!

– То-то и оно! – не успокаивался полковник. – Всего сам добился. А я где был?

– Ты ж про него не знал, – резонно напомнил Виктор.

– Плохо это, – понурил голову Александр Михайлович. – Вот задумал ему подарок сделать...

– Хорошее дело! – одобрил Витя.

– Машину куплю.

Витька подавился воблой.

– Так у Тёмы джипяра есть, здоровенный, – сказал он, откашлявшись. – Я сам видел, когда он за тобой приезжал.

– «Хаммер», – грустно уточнил Дегтярев.

– И что ты ему приобретешь? – заржал Витя. – «Оку»? Он на ней даже на помойку не поедет. Забудь, не парься.

Дегтярев стукнул кулаком по столу.

– Кредит возьму в банке!

– Ладно, ладно, только не нервничай, – дал задний ход Кондратьев. – Если надо...

– Очень! – рявкнул полковник. – Хочу проявить отцовскую заботу!

И Виктор не нашелся что ответить...

Рассказав мне это, он примолк и снова полез за сигаретами.

– С ума сойти! – поразила я. – Никак не предполагала, что у полковника душевный дискомфорт.

Витька чиркнул зажигалкой.

– Он совсем сдурел. Вот мой папаша недолго мучился – развелся с матерью и смылся. И я больше никогда его не видел. А Дегтярев... «Сыночек, любимый...» Тьфу!

– Тёма сам нашел отца, хотел ему помочь, – напомнила я.

³ История Тёмы рассказана в книге Дарьи Донцовой «Ромео с большой дороги», издательство «Эксмо».

– Повезло полковнику, – вздохнул Витька. – Жена богатая, потом – бац – дитяtko нашлось с алмазными копиями. Прямо сказка! А у меня...

– Давай об Александре Михайловиче. Он взял кредит?

– Нет, не дали ему денег.

– Почему?

– Причин не объяснили, – хмыкнул Витька.

– Вот дурак! – не выдержала я. – Почему ж он мне ничего не сказал?

– Сам намеревался решить проблему.

– Но это глупо!

– Ему хотелось заработать, а не у семьи брать.

– Мог обратиться в тот банк, где хранятся наши средства, там бы ему точно дали ссуду. Витька выбросил окурок в окно.

– Неужели не понятно? Это его сын, не твой. Значит, проблема должна разруливаться папашей.

– Идиотизм!

– Тебе этого не понять.

– Тёма не нуждается в помощи.

– Дело в желании Дегтярева.

– Хорошо, – сдалась я. – Что было дальше?

Витька нахмурился.

– Подробностей я не знаю. Полковник оформил отпуск и попросил: «Скажи всем, что я уехал на рыбалку». На самом деле он остался в Москве.

– Да зачем надо устраивать такой спектакль?

Виктор поежился.

– Некий человек предложил Дегтяреву работу – частное расследование. Пообещал отлично заплатить, вот полковник и обрадовался.

– Кто клиент? Что ему надо?

– Не знаю.

– А какое дело?

– Не знаю.

– Убийство?

– Не знаю.

– Поиск пропавшего ребенка?

– Сказал же, что не знаю! – заорал Витька. – Хоть сто раз спроси, ничего нового не услышишь. Он мне за помощь процент пообещал.

– Сколько?

– Секрет. Не скажу. Не твое дело, – занервничал Кондратьев.

– Ладно, финансовая сторона вопроса мне неинтересна, – пожала я плечами. – Но похоже, Дегтярев влип в малоприятную историю.

– Ох, чуял я беду, чуял... – простонал Витька.

– Хорошо, – прервала я его стенания, – с мотивацией понятно. Прав был Шерлок Холмс, когда говорил Ватсону, что в корне всех преступлений зарыты деньги. Даже если речь идет о великой любви, покопай поглубже и услышишь нежный хруст казначейских билетов. Скажи, какую роль Дегтярев отвел в спектакле тебе?

– Правой руки, – признался Витька.

– А подробнее?

– В последний раз его интересовали данные на некую Юлию Моргалову, в девичестве Яценко, – неохотно сообщил Виктор.

– И что ты разузнал? – спросила я.

– Самую обычную инфу. Несудима, не привлекалась, вдова, хоть лет ей всего ничего, проживает на Кирсарской улице, всегда там обитала, воспитывалась мачехой, второй женой отца. Звали ту красиво – Леокадия Ивановна Бланк. Очевидно, хорошая тетка, раз вышла замуж за парня с крохотным ребенком. В принципе, все обычно, никаких странностей в жизни Моргаловой-Яценко не было.

– И это все? Глубже не копал? Только верхний слой потревожил? – прищурилась я. – Качественная работа – один звонок по телефону! Ты на это небось потратил минут десять?

Витька порозовел.

– Александр Михайлович просил только общие сведения.

– Ладушки, – кивнула я. – Что еще ты для него нарыл?

Кондратьев нахмурился.

– Ничего.

– Вообще? Только данные по Юлии?

– Угу!

И тут мое терпение с треском лопнуло.

– Я очень хорошо знаю, Витюша, что ты считаешь меня истинной блондинкой с голубыми глазами, следовательно, полнейшей дурой...

– Вовсе нет, – без особого энтузиазма возразил Виктор, – цвет волос тут ни при чем, просто мужики по природе своей умней.

– И сейчас я понимаю: случилась какая-то неприятность, – продолжала я, не обращая внимания на слова Кондратьева. – Утром я тщетно пыталась узнать у тебя правду о Дегтяреве, а в ответ получила рассказ про шук и лешей.

– Александр Михайлович строго-настрого велел никому ни гу-гу!

– Слышал про то, что в Москве-реке появилась уникальная рыба? – спросила я.

– Нет, – совершенно искренне удивился Виктор. – Какая? Пиранья? Кто-то из аквариума выбросил?

– Гибрид акулы и золотой рыбки, выполняет последнее желание, – прошипела я. – Вот этого монстра и выловил Дегтярев.

– Ч-что? – начал заикаться Виктор. – Ты о чем?

– Дорогой, следи за ходом мысли блондинки, – подчеркнуто ласково заговорила я. – Не мешай излагать, а то эта мысль такая короткая и простая, что ее легко потерять. Итак, утром ты послал меня куда подальше, а к вечеру сам позвонил и начал выбалтывать то, что строго-настрого запрещено рассказывать. Почему?

– Дегтярев не вышел на связь, – забубнил Кондратьев, – сутки не звонил, я забеспокоился, начал его искать. И тут ты со своим звонком. Вот я и...

– Ты испугался, – закончила я за него.

– Исключительно за тебя! – парировал Виктор. – Хотел предупредить, что полковник влез в стремное дело, и если ты в курсе, то лучше тебе бросить расследование, не то и с тобой случится беда.

– Непременно послушаюсь тебя, – закивала я, – только Расскажи по порядку, какие поручения он давал тебе как своему заместителю.

Кондратьев распахнул дверцу машины.

– Я уже ответил: последняя просьба была о сведениях на Моргалову-Яценко.

– А первые поручения каковы? – настаивала я.

Витька вылез из автомобиля.

– Пора мне, а то дома скандал будет. Я сказал, что покурить спущусь, а пропал на час. Еще раз предупреждаю: брось копать, это опасно. Что ты знаешь?

– Если честно, то ничего, – после некоторого колебания призналась я. – Александр Михайлович ни одним словом не обмолвился о частном расследовании. Я вообще считала, что он на это не способен. Утром, как обычно, уезжал на работу, вечером прикатывал назад.

– Не верю! – гаркнул Витька. – Не ври, он тебе все разбалтывает! Мой тебе совет: остановись, никуда не лезь. Шум нам ни к чему, никто не должен знать, что Дегтярев занялся частной сыскной деятельностью. У него идеальное личное дело, замечательная репутация, а тут пятно, да еще какое! Усекла? Ради доброго имени мужа...

– Сто раз тебе говорила, мы приятели! – не выдержала я.

Кондратьев скорчил кислую мину.

– Ладно, ладно, поверил. Ради доброго имени... хм... лучшего друга тебе следует сидеть тихо. О'кей?

Я с готовностью закивала.

– Конечно! Спасибо, что решил предостеречь меня.

Виктор самодовольно улыбнулся.

– Когда речь идет о спасении честного имени полковника, я готов на все. Значит, договорились?

– Да, да, без сомнения, – подтвердила я.

Кондратьев помахал мне рукой и вразвалочку пошел к подъезду. Я отвела глаза в сторону и завела мотор. Некоторые люди спиной ощущают чужой взгляд, вдруг Виктор принадлежит к их числу, еще обернется и прочитает на моем лице все, что я думаю о майоре? Хотя я и блондинка, то есть, по распространенному мужскому мнению, глупое, эгоистичное существо, но друзей в беде я не бросаю. А полковник попал в крупную неприятность, над ним нависла опасность, его жизнь под угрозой. В отличие от Витьки, я не обольщаюсь насчет намерений преступника, он может предпринять еще одну попытку устранить Александра Михайловича. Мой долг найти его до того, как мерзавец вновь откроет охоту на Дегтярева. Витька трус, он спасает себя, ведь и он вовлечен в частное расследование. Я же никого не боюсь!

Глава 9

Витка исчез за железной створкой, а я медленно покатила по двору. И тут вновь ожил мобильный. Наверное, кто-то из домашних хочет узнать, когда я вернусь в Ложкино, скорей всего Маша.

Не посмотрев на дисплей, я, придав голосу пионерскую бодрость, весело воскликнула:

– Привет! Уже спешу, через полчаса буду!

И услышала из трубки смутно знакомый женский голос:

– Извини, пожалуйста, Даша. Я понимаю, что поздно, неприлично беспокоить людей в такое время, но у нас, мягко говоря, неприятность.

– Кто это? – изумилась я.

– Волкова.

– Тася? Что случилось?

Бывшая однокурсница закашлялась.

– Наверное, я делаю глупость, – тихо сказала она, справившись с приступом, – но ты же видела, как ведет себя Дина. Если ей чего-то хочется, она давит людей как танк!

Я вспомнила неприятную сцену, разыгравшуюся на презентации, и промямлила:

– М-да... Емельянова слишком настойчива.

Таисия тихо засмеялась.

– Ценю твою деликатность. Между нами говоря, она плохо справляется со своими порывами и с годами становится все раздражительнее.

– С возрастом дурные черты характера усугубляются, – поспешила согласиться я, не понимая, что Таисии от меня надо.

– Андрюша золотой человек, – продолжала Волкова, – но даже он Динку не выдержал, съехал от нее.

– Двоюродные брат с сестрой жили на одной площади?

– Ой, это огромная проблема, – подхватила Тася. – Немыслимая! Андрей развелся и ушел от жены с одним портфелем. Если честно, он не должен был ничего такого делать, жил-площадь принадлежала ему, супруга пришла в дом голой, но ведь не отселять же ее назад в коммуналку... Андрюша не из таких, вот и оставил все бывшей.

– Угу, – пробормотала я.

– Правда, вначале Корундов просто перебрался в отдельную спальню, но жена его затрепировала, и он переехал к Дине. Но долго он около сестры не выдержал, отправился жить на дачу. Домик без особых удобств, зимой там холодно, в туалет надо бегать через весь участок... Зато от Дины далеко.

– Неужели Андрей не мог справиться с сестрой? Странно это, – отметила я.

Тася вздохнула.

– Дина считает себя его ближайшей родственницей, потому и ведет себя бесцеремонно. Справедливости ради следует отметить, что Емельянова очень много сделала для Андрюхи. Тот ведь беспомощен в бытовом плане. Все гении такие.

– Корундов талантлив? – усомнилась я. – Мне его «Русь Великая» показалась... хм... немного странной.

– Так талантлив, что Леонардо да Винчи отдыхает, – безапелляционно заявила Волкова. – Через двадцать, тридцать лет за картины Андрея будут драться великие музеи мира.

– Он много пишет?

– Работает медленно, но еще не вечер, имя Корундова встанет в один ряд с Репиным, Мане, Тицианом и прочими, – ажитированно завела Тася.

Я оперлась на руль. Ну это навряд ли. Впрочем, Тася в своем репертуаре. Еще в студенческие годы она постоянно кого-то опекала, причем абсолютно бескорыстно, по велению сердца. Она могла, например, потратить единственный выходной, чтобы помочь знакомой помыть окна. Бесплезно было объяснять Тасе, что ее используют в качестве бесплатной домработницы, она все равно с энтузиазмом терла стекла. Насколько я помню, Дина еще тогда эксплуатировала Таисию, а та, наивная чукотская девушка, кидалась исполнять любые желания хитрюги – переписывала для нее лекции, сидела с ее больной мамой, пока Дина отрывалась на танцульках, и так далее. А еще Волкова славилась умением отыскивать непризнанных гениев и сажать их себе на шею. И абсолютно невозможно было стащить с ее носа розовые очки.

Память услужливо развернула одну картину.

Вот мы, второкурсницы, собрались на квартире у Анжелики Лебеденко, дочери успешного партийного функционера. Родители девушки уехали в элитные по советским временам Карловы Вары, и Лика устроила вечеринку – выставила на стол никогда нами не виданное виски, вытащила из кладовки раритетные бананы и остродефицитные шоколадные конфеты.

Таисия привела на вечеринку кавалера, и мы были поражены видом ее любовника. Во-первых, он выглядел сорокалетним стариком, во-вторых, пришел в грязных брюках и давно нечищенных ботинках, в-третьих, начал рассказывать скабрзные анекдоты, в-четвертых, увидав квартиру Лебеденко, состоящую из бесконечной анфилады комнат, мигом забыл про Тасю и прилип к Лике. В конце концов Антон, парень Анжелики, дал обоже Волковой в нос. Думаете, Таисия прогнала кавалера? Вовсе нет! Она уложила раненого на диван и стала петь ему дифирамбы.

– Ребята, Вадик гений! Через десять лет его книги покорят мир! Он пишет великое произведение, рядом с которым «Идиот» Достоевского покажется детским лепетом. Как ты мог, Тоша, поднять на него руку!

– А чего он к Лике под юбку лапы запустил? – справедливо возмутился Антон.

– Таланту все дозволено! – отрезала Тася. – Нестандартная личность ведет себя по-особому, к ней нельзя подходить с обычными мерками.

С тех пор прошло много более десяти лет, но мир так и не прочитал эпохального романа. Думаю, гениальный Вадик до сих пор отшлифовывает первую главу. Слава богу, Таисия рассталась с «литератором». Но характер у Волковой, несмотря на зрелый возраст, остался прежним.

– Извини, пожалуйста, – продолжала тем временем Таисия, – но ты там рядом, в двух шагах... только до завтра... я решу проблему... не бросать же Андрюшу ночью в лесу... денег на такси у него нет, автобус уже не ходит...

– Да что случилось? Объясни толком, – прервала я невнятные речи Волковой.

– Ты едешь домой мимо деревни Глухово? – вдруг деловито заинтересовалась Тася.

– Верно, – удивилась я. – Откуда ты знаешь?

– Я просто спросила, – прорыдала Волкова. – Там есть магазин.

– Вроде есть, – с легким сомнением подтвердила я.

– За ним узкая дорога. Если свернуть на нее, наткнешься на поселок, там сейчас находится Андрюша. Помоги ему, умоляю! Ночь подкралась, в небе ни одна звезда не горит, а он, одинокий и грустный, без денег, в поле сидит, – почти гексамером завела Таисия. – Очень, очень тебя прошу, на коленях стою!

Из всего вышесказанного мне стало понятно лишь одно: где-то в районе села Глухово мается Андрей Корундов, с которым стряслась беда. Мне совершенно не хотелось нестись на помощь малознакомому человеку, но альтернативы нет, заявить Волковой: «Я тороплюсь домой, устала за суматошный день, и у меня самой полно проблем», – я не способна. К тому же я не забыла, как в свое время Тася нашла врача для маленького Кеши, а долг платежом красен.

– Дай номер мобильного Корундова, – велела я.

- Зачем? – прошелестела бывшая однокурсница.
- Если запутаюсь, позвоню ему и уточню дорогу.
- Там невозможно потеряться, – оживилась Тася, – Глухово, сельпо, далее прямо.
- Все равно, лучше знать сотовый.
- У него нет телефона, – после короткой паузы заявила Волкова.
- Почему? – изумилась я.
- Это дорогое удовольствие, – вздохнула она, – не каждому по карману. Андрюша в последнее время не много зарабатывал, он «Русь Великую» писал.
- Ага, – пробормотала я, – понятно.

Мы с Тасей хоть и учились в одной группе, но до момента болезни Аркашки почти не общались. Ну знаете, как это бывает: сидят в одной аудитории двадцать студентов, и не со всеми у тебя складываются доверительные отношения. Нет, мы никогда не конфликтовали, мило здоровались, брали друг у друга конспекты, но после занятий разбегались по своим делам. Таисия никогда не видела моего первого мужа, художника Костика, и не знает, что мне великолепно известно, что это за зверь – гений, создающий нетленные полотна.

- Магазин... – твердила она, – дорога...
- Хорошо, – перебила я Тасю, – я уже въехала в Глухово и вижу строение, больше всего смахивающее на собачью будку, но с гордой надписью «Супермаркет».
- Ой! Замечательно! – обрадовалась Таисия, и в ту же секунду мой телефон, судорожно пискнув, «умер» – разрядилась батарейка.

Волкова оказалась права: узкая разбитая дорога уперлась в кусок земли, застроенный хибарами. Я припарковала «букашку» около ржавого подобия водокачки, огляделась вокруг и изумилась. Глухово находится на Ильинском шоссе, аборигены используют эту магистраль для проезда, когда на Новорижской трассе возникают пробки, – если свернуть у бензоколонки, проехать Архангельское и выскочить через Петрово-Дальнее к 62-й больнице, то можно обогнуть затор, который образуется по дороге на Нахабино. Если каждый день едешь туда-сюда по одному маршруту, то разведешь все тайные дороги.

Вдоль Ильинского шоссе (по статусу оно чуть ниже Рублево-Успенского, но упорно пытается его догнать) покосившиеся деревянные домики соседствуют с настоящими замками. Причем последние понастроены так густо, что их хозяева из своих окон наверняка могут разглядеть меблировку комнат соседей. По утрам здесь на одном участке тупо орут петухи, блеют козы и гогочут гуси, а на другом шоферы в формах протирают замшей стекла у «Бентли». В общем, как любили писать в свое время советские журналисты: «Нью-Йорк – город контрастов». То есть Ильинское – шоссе контрастов. Но, проносясь мимо деревни Глухово, я и предположить не могла, что за сельпо начинается настоящий Шанхай. Покосившиеся домики смотрелись убого, часть из них сколочена из досок, другие были сложены из непонятного камня и покрыты оцинкованным железом, вместо цветов из земли торчали укроп с петрушкой. И вокруг стояла странная для населенного места тишина.

Я в раздражении покачала головой. Ну здорово: батарейка села, Таисии не позвонить, садовое товарищество большое, хозяева хибар приезжают только на день, пропалывают грядки и возвращаются ночевать в квартиры с удобствами. В избенках хранятся инструменты, похоже, тут даже нет электричества – не горят фонари... Правда, в июне темнеет поздно, а светает рано, и поэтому сейчас я кое-что видела, но как найти Андрея? Ну и влип! Придется обходить весь поселок. Может, покричать? Навряд ли я разбужу людей, здесь их, по всей видимости, нет.

Я набрала полную грудь воздуха и заорала:

- Андрей!
- ...ей! – отозвалось эхо.
- Корундов!
- ...ей, – донеслось до меня.

Я насторожилась – похоже, мне ответили.

– Кто там? – Мужской голос звучал где-то слева. – Тася, ты? Зачем приехала? Вот уж глупо! Что нам тут вдвоем ночевать?

Я пошла в сторону звука. Пару раз споткнулась о разбросанный строительный мусор и неожиданно вырулила на пожарище. Горло сразу стал раздирать кашель.

Человек, сидевший на перевернутой железной бочке, обернулся и с изумлением воскликнул:

– Даша? Как вы сюда попали?

– Волкова позвонила, попросила вас забрать. Что случилось?

Корундов соскочил на землю.

– Извините, пожалуйста, я не имею к этому никакого отношения. Иногда Тася в своем желании помочь всему человечеству перегибает палку. Зачем она вас потревожила? На улице тепло, в шесть двадцать пойдет первый автобус на Москву... Правда, непонятно, к кому мне ехать в столице, но это моя проблема, и я решу ее сам.

– Что здесь произошло?

Андрей потерянно указал на догорающие угли.

– Я вернулся домой с презентации и нашел головешки.

– Хотите сказать, что вы тут жили?

– Ну да. А что, неплохое место, – пожал плечами Корундов, – до Москвы рукой подать, свежий воздух, магазин под боком!

– Но здесь нет туалета, – пробормотала я, – и, кажется, воды с электричеством тоже.

– Что вы, – засмеялся Андрей, – удобства имеются. Видите голубую будочку? Странно, что пламя ее не тронуло. Воду можно принести из колодца, а неподалеку, в соседней деревне, есть баня. Для обогрева печка-буржуйка, отсутствие электричества мне только на руку – все меньше платить. Я счастливчик – жил без коммунальных расходов, работал всласть... Мне феерически повезло!

– Да? – с сомнением спросила я, оглядывая кучу рыхлого пепла, от которой поднимался серый дымок.

– Хорошо, что картину успел закончить! – воскликнул Андрей. – Если б «Русь Великая» пропала, я бы тут же покончил с собой.

– И где вы теперь станете жить?

Корундов начал отряхивать брюки.

– Знаете Леню Вяльцева? – вдруг спросил он. – Дина говорила, он вам дизайн дома делал.

– Не мне, а Тёме, сыну Дегтярева, – уточнила я. – Только мне проект не понравился. Интересно, откуда Дина про работу Лени узнала? Мы с вашей сестрой давно не встречались.

– Леня слишком авангарден, – не ответив на мой вопрос, продолжал Андрей, – не всем по душе его фантазии. Лично мне не нравится сочетание нарочито грубой кирпичной кладки с наборным паркетом. Ну да не о художественных пристрастиях сейчас речь. Вяльцев пятнадцатого июля отбывает на год в Америку, я поживу в его квартире. Леня как раз хотел ее сдать.

– Пошли! – велела я.

– Куда? – напрягся Андрей.

– Не сидеть же вам ночь у сгоревшего домика, переночуете у нас.

– Право, мне неудобно. Вашим детям, мужу, домашним животным вряд ли понравится ночной визит постороннего.

– Супруга нет, – улыбнулась я.

– Уехал? Еще хуже! Привести в дом в его отсутствие мужчину...

– Я свободная женщина, без штампа в паспорте. Дети спокойно относятся к гостям, дом большой, а собаки, если вы угостите их кусочком сыра, станут вашими друзьями на всю жизнь.

– Как-то неловко, – упирался Андрей, – у меня нет денег, чтобы заплатить за постой, а бесплатно пользоваться чьим-либо гостеприимством я не приучен.

Высказавшись, Корундов вновь вскарабкался на перевернутую ржавую бочку, свесил ноги и уставился на останки фазенды.

– Не могу же я оставить вас тут! – начала я новый этап уговоров.

– Почему? – безмятежно спросил художник.

Действительно. Хорошее замечание.

– Обещала Тасе позаботиться о вас, – нашлась я.

– Огромное спасибо, но лучше я до утра здесь посижу. Быть нахлебником – увольте.

– Всего на одну ночь! И я зову вас в гости!

– Это одно и то же. Спать, пить и есть бесплатно я не приучен.

– Похоже, у вас нет друзей! – рявкнула я. – Иногда люди помогают друг другу бескорыстно!

– Ладно, – вдруг согласился Корундов, – пошли. Нам куда?

– Новорижское шоссе, тут рядом.

– Можем через лесок двинуть, – обрадовался Андрей, – напрямик.

– Лучше подъехать на машине, – мягко сказала я.

– Ее сейчас не поймать, и это денег стоит.

– Я за рулем.

– Скажите пожалуйста... – ахнул Корундов. – Вот это да!

Я прикусила нижнюю губу. Вдруг Дина права, и ее брат гений? Сейчас он ведет себя как сумасшедший профессор, просидевший последние тридцать лет в крепко запертой комнате без окон. Женщины давным-давно сели за руль, и многие из них сами заработали деньги на машину...

Очутившись наконец-то дома, я, поколебавшись, открыла портфель Дегтярева. Я не люблю шарить по чужим карманам и изучать содержимое не принадлежащих мне сумок. Но вдруг в кейсе есть бумаги, которые хоть немного прольют свет на то, что случилось в квартире Юли.

Первое, что попало мне на глаза, был пакет с тремя глазированными творожными сырками. Я обозлилась на толстяка. Вот оно как! Я стараюсь изо всех сил, чтобы Александр Михайлович сбросил лишние килограммы, а он тайком покупает жирные сладости и лопаёт их в большом количестве! Ну-ка, что там еще! Булки с заварным кремом! Ну вообще! Нет слов! Переполнившись негодованием, я начала перебирать остальные вещи: спортивная газета, два тщательно сложенных пакета, довольно толстый том «Ремонт квартиры своими силами», несколько, на мой взгляд, совершенно не нужных карманных календариков, расческа... Интересно, зачем она почти лысому полковнику? На самом дне обнаружилась тонкая прозрачная папка. Я быстро схватила ее, вытащила два листа бумаги, попыталась прочесть текст и потерпела фиаско. Во-первых, почерк у Дегтярева отвратительный, даже курица лапой лучше нацарапает. Во-вторых... В заметках нет никакого смысла: это просто какие-то обрывки фраз. «Вечером нету». «Затем он ушел». «Преступное намерение». Такое впечатление, что полковник собирался выступить перед большой аудиторией и сделал конспект, основная информация в голове у докладчика. Увы, портфель мне не помог!

Глава 10

Утро началось со звонка Оксаны.

– Спишь? – спросила она.

Я с огромным трудом разлепила веки, увидела, что часы показывают десять, и просто-на-на:

– Нет.

– Можешь подъехать к полудню?

– Что с Дегтяревым? – испугалась я.

– Все прекрасно, – поспешно ответила Ксюня. – Анализы сделали, с профессором проконсультировались, остались небольшие нюансы, но они решаемы. Повода для беспокойства нет, как я и полагала, никакого инсульта не было.

Но я очень хорошо знаю Оксанку, и ее бодрый голос мне не понравился. Поэтому я в один миг слетела с кровати и, забыв выпить кофе, понеслась к гаражу.

– Я же сказала, что он в порядке, – покачала головой подруга, увидев меня через рекордно короткое после ее звонка время, – ты могла спокойно позавтракать.

– Как ты догадалась? – изумилась я. – У меня что, на лбу написано, что я не поела?

– Почти, – ухмыльнулась Ксюня. – Футболка надета наизнанку, волосы не расчесаны, а на ногах разные кроссовки.

Я опустила глаза. Точно! На левой ноге красовался красный кед, на правой – белый.

– Дегтярев здоров, – продолжала Оксанка, – давление в норме, холестерин, правда, повышен, но это не имеет отношения к основной проблеме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.